

ВОСПОМИНАНІЯ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

О ВОЙНАХЪ 1877 — 1878 ГГ.

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

(Статья третья) (¹).

IV.

Проектъ Забалканскаго похода Западнаго отряда. Поѣздка въ главную квартиру и къ Государю Императору.

Съ занятіемъ гвардіей софійскаго шоссе, положеніе Османа-паши стало, дѣйствительно, критическимъ. Едва лишь турки сдали намъ Дольній-Дубнякъ, какъ весь отрядъ генерала Гурко былъ придвинуть къ Виду и завершилъ «железное кольцо обложенія», связавшись направо съ дивизіей генерала Скобелева 2-го, а налѣво съ румынами. Войска приступали немедленно къ возведенію укрѣпленій на занятой позиціи; пошла слѣпная, энергическая работа, и скоро мы уже были не только готовы встрѣтить попытку Османа къ прорыву, но, можно сказать, пламенно желали этого, будучи увѣрены въ своихъ силахъ и крѣпости нашей позиціи.

Между тѣмъ, за извилистыми берегами Вида все было тихо, ничто не обнаруживало признаковъ общаго движенія; каждое утро мы напряженно разглядывали въ бинокли своего противника, который, по обыкновенію, усиленно рылся въ землѣ, изрѣдко перестрѣливаясь съ 3-й гвардейской дивизіей, а нависшій вдали надъ котловиной туманъ и отлогія высоты скрывали отъ взоровъ заколдованную Плевну съ ея ближайшими окрестностями.

Скоро ли станеть пробиваться Османъ? На долго ли у него хватитъ продовольствія?— вотъ вопросы, которые, естественно, занимали каждого изъ насъ. Показанія въ этомъ смыслѣ, собираемыя различными пу-

(¹) См. «Воен. Сборн.» 1879 г. №№ 1-й и 2-й.

тями, были весьма разнообразны и часто противорѣчивы, а между тѣмъ нѣкоторые безспорные факты указывали, что блокада затянется на долго. Такъ, напримѣръ, съ нѣкоторыхъ пунктовъ занятой нами позиціи часто можно было наблюдать у Плевны огромнѣйшія стада скота, служившія, очевидно, для продовольствія арміи. Мѣстность, уступленная намъ турками, послѣ нашихъ успѣховъ на шоссе, была покрыта посѣвами кукурузы.

Послѣдняя осталась несобранной, хотя была уже созрѣвшей и притомъ любима турками. Изъ этого факта можно было также заключить, что предусмотрительный Османъ достаточно, вѣроятно, снабженъ продовольствіемъ, если уступилъ намъ одинъ изъ богатыхъ источниковъ.

Рядомъ съ этимъ у насъ имѣлись совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, что Мехметъ-Али торопливо формируетъ въ Софіи шестидесятитысячную армію, назначеніе которой хотя и невозможно было въ точности опредѣлить, но, несомнѣнно, она должна была сильно затруднить наши операціи. Если бы блокада затянулась, то Мехметъ-Али могъ явиться на выручку къ Плевнѣ и атаковать, одновременно съ Османомъ, нашу блокадную армію. Но если бы турецкій паша и не рискнулъ на подобное движеніе, то, оставаясь въ предгоріяхъ Балкановъ и на ихъ высотахъ, онъ могъ упрочить организацію своей арміи, широко снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ, и твердою рукою оборонять грозную естественную преграду. Чтѣ оставалось дѣлать въ нашемъ положеніи?

Какъ Главнокомандующій, такъ и генераль Гурко были вполне ориентированы среди этихъ обстоятельствъ. Необходимо было немедленно, не теряя времени, двинуться противъ Мехмета-Али и постараться разбить его армію по частямъ, прежде чѣмъ она успѣетъ окончить свою организацію! Такая задача уже сама по себѣ имѣла чрезвычайное важное значеніе. Но успѣхъ предпріятія, при благоприятныхъ условіяхъ, могъ быть развитъ дальше и повести къ рѣшительному обороту дѣлъ на всемъ театрѣ войны еще до паденія Плевны.

Въ то время, о которомъ я говорю, штабъ нашего отряда помѣщался въ Дольнемъ-Дубнякѣ. 24-го октября меня потребовалъ къ себѣ начальникъ отряда. Квартира его и штабъ помѣщались въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, до основанія разоренномъ турками, какъ и всѣ постройки деревни. Окна въ домѣ выбиты, двери частью сорваны съ петель, во дворѣ разный хламъ. Тутъ же толпилась масса прѣзжаго люда, ординарцы, вѣстовые и проч. Такъ какъ къ генералу всякій офицеръ могъ являться безъ доклада и не стѣсняясь своимъ костюмомъ, то я прошелъ въ его комнату.

— «Здравствуйте, полковникъ!» встрѣтилъ меня генераль-адъютантъ Гурко. «Я пригласилъ васъ съ важною цѣлью. Вотъ пакетъ. Прошу васъ съѣздить съ нимъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу, и если понадобится, то и къ Государю Императору. Такъ какъ заранѣе невозможно предвидѣть всѣхъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы на мое предложеніе, то я разсчитываю—прибавилъ улыбаясь генераль—на ваше краснорѣчіе, которымъ вы должны побѣдить. Съ содержаніемъ моего предложенія я васъ сейчасъ понавожляю, а если нужно будетъ разъяснить какія нибудь детали, то обратитесь къ Дмитрію Станиславовичу (начальникъ штаба; генераль-маіоръ Нагловскій).

Затѣмъ, генераль-адъютантъ Гурко развернулъ карту Болгаріи и приступилъ немедленно къ объясненіямъ. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

«По свѣдѣніямъ, которыя я имѣю, говорилъ генераль-адъютантъ Гурко, точно также какъ и по моимъ личнымъ рекогносцировкамъ и наблюденіямъ за противникомъ, можно думать, что Османъ еще долго продержится—мѣсяць, пожалуй и два. А между тѣмъ достовѣрно извѣстно, во-первыхъ, о существованіи укрѣпленій, хотя пока и не приведенныхъ въ опредѣленную оборонительную систему, по пути отъ насъ къ Орханію и Софіи; во-вторыхъ, о томъ, что Мехметъ-Али организуетъ въ Софіи сильную армію. Пока еще армія эта намъ не страшна. Но пройдутъ недѣли три, четыре, и мы можемъ быть атакованы соединенными силами Османа и Мехмета. Не ожидать же намъ такого сюрприза. Надо непременно помѣшкать организаціи новой арміи. Понятно, что чѣмъ скорѣе мы къ этому приступимъ, тѣмъ лучше, тѣмъ вѣрнѣе и съ меньшими потерями мы достигнемъ цѣли. Далѣе, мнѣ извѣстно, что Радецкій много теряетъ на Шипкѣ отъ холодовъ и бурь, которые тамъ уже наступили. Если не ошибаюсь, у него каждый день выбываетъ изъ строя среднимъ числомъ по сто человѣкъ. При счастью, мы бы могли ему помочь.

«Мой планъ заключается въ томъ, чтобы собрать сколько можно свободныхъ войскъ, двинуться по шоссе къ Балканамъ, разбить находящуюся въ періодѣ организаціи армію Мехмета-Али, перейти Балканы, а затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Если Софія будетъ сильно занята непріателемъ, то мнѣ придется двинуться туда и покончить съ турками, чтобы не оставлять въ тылу у себя сильнаго противника. Балканскіе перевалы я во всякомъ случаѣ долженъ буду охранять особымъ отрядомъ. Если же въ Софіи не будетъ значительныхъ непріятельскихъ силъ, или если она вовсе не будетъ имъ заня-

та, то, перейдя Балканы, я сосредоточу свои силы, снабжусь продовольствіемъ и боевыми припасами, обеспечу свой тылъ и немедленно двинусь по долину Гюпса, на выручку къ Радецкому (1). Дальнѣйшія предположенія уже не поддаются точнымъ соображеніямъ, а потому я ихъ и развѣивать не стану. Теперь является вопросъ: какими средствами осуществить мой планъ? Въ моемъ распоряженіи, на лѣвомъ берегу Вида, находится около 83-хъ баталіоновъ, 100 эскадроновъ и 250 орудій. Съ тѣхъ поръ, какъ кровью моего отряда завоевано софійское шоссе и трудами его укрѣплена позиція, замѣнувшая окончательно Османа, можно обойтись здѣсь меньшими силами. Чтобы защитить эту позицію и отбросить вылазку турокъ, потребуется меньшихъ усилій, чѣмъ ихъ нужно было для завоеванія и укрѣпленія нашей позиціи. Кромѣ того, сколько мнѣ извѣстно, 2-я гренадерская дивизія въ настоящее время не имѣетъ еще строго опредѣленнаго назначенія и двигается гдѣ-то между Плевной и Тырновымъ. Ее можно сюда притянуть. Далѣе, 3-я пѣхотная дивизія теперь раздѣлена: 2-я бригада ея находится уже въ балканскихъ предгоріяхъ и вступила въ связь съ моей кавалеріей. Она будетъ естественнымъ моимъ авангардомъ; что же касается до 1-й бригады этой дивизіи, то пока пускай она остается въ Ловчѣ. Когда же мы перевалимъ черезъ Балканы и двинемся къ Шишкѣ, то, какъ стратегическое значеніе Ловчи тогда уничтожится, полезно было бы эту бригаду перебросить ко мнѣ на встрѣчу, черезъ Траяновъ переваль, что ли. Фондъ моего отряда составятъ 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи съ гвардейской стрѣлковой бригадой и сапернымъ баталіономъ, которые и будутъ замѣнены 2-й гренадерской дивизіей. Прочая пѣхота теперешняго моего отряда, въ томъ числѣ и 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, останутся подъ Плевной. Изъ кавалеріи я прошу—гвардейскую, Кавказскую казачью бригаду и Казанскій драгунскій полкъ. Тутъ останутся румынскіе рошіоры и прочія части нашей армейской кавалеріи—этого вполне достаточно съ занятіемъ нами значительной части территоріи Болгаріи къ западу отъ Плевны и въ виду предполагаемаго движенія. Выпросите мнѣ также, если можно, одинъ саперный баталіонъ: онъ будетъ весьма полезенъ отряду. Доложите Великому Князю, что я въ рапортѣ перечисляю minimumъ тѣхъ силъ, съ которыми берусь выполнить предполагаемую операцію; но

(1) Надо замѣтить, что главнокомандующій, имѣя въ виду движенія за Балканы, отправилъ въ Сербію уже въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, генеральнаго штаба полковника Побрикова, съ предложеніемъ плана совокупнаго дѣйствія сербской арміи съ нашей по направленію къ Софіи, когда мы приступимъ къ самому акту перевала черезъ горы.

что, само собою разумѣется, я съ величайшей радостью и благодарностью возьму всякій лишній баталіонъ или эскадронъ, который бы мнѣ прибавили сверхъ перечисленныхъ тамъ войскъ.

«Теперь коснусь вопроса о продовольствіи отряда и снабженіи его боевыми припасами. Я уже отдалъ приказъ, чтобы войска кошили сухари. Ко времени выступленія надѣюсь собрать пятидневный запасъ сухарей въ обозѣ и шестидневный на людяхъ, итого на 11 дней. Такъ какъ, при изобилии скота въ странѣ, вполне возможно увеличить мясную порцію, то дневную дачу сухарей я сокращу на половину, и, такимъ образомъ, отрядъ будетъ обезпеченъ хлѣбомъ на 22 дня. Кромѣ того, какъ вы знаете, кавалерія наша захватила турецкій транспортъ съ провіантомъ; да и достать муки на западъ можно; все это будетъ свезено къ д. Радомирцамъ, гдѣ я устрою обширное хлѣбопеченіе, и куда уже мною отправлены команды хлѣбопеконъ. Что касается патроновъ, то, кромѣ имѣющихся на людяхъ, я прикажу выдать имъ еще на руки столько, сколько каждый можетъ помѣстить въ карманахъ; вообще же каждый человекъ долженъ быть снабженъ не менѣе какъ 105-ю патронами. За отрядомъ будутъ слѣдовать летучіе парки съ полнымъ комплектомъ боевыхъ припасовъ. Снарядившись такимъ образомъ, мы двинемся къ Балканамъ, оставляя при себѣ обозъ такъ долго, какъ это окажется возможнымъ.

«Всѣхъ нашихъ подвижныхъ запасовъ, надѣюсь, вполне будетъ достаточно для дѣйствій при перевалѣ черезъ Балканы. Послѣ того, съ занятіемъ Софіи, я устрою, изъ мѣстныхъ средствъ, временную базу для операций противъ Шинки. Въ Софіи имѣются склады и запасы для турецкихъ войскъ; окрестная страна и самый городъ тоже представляютъ хорошій источникъ для снабженій, а потому я считаю продовольствіе моего отряда обезпеченнымъ».

Послѣ этого, генералъ Гурко, сдѣлавъ еще нѣсколько частныхъ поясненій, предложилъ мнѣ отправиться переговорить съ начальникомъ штаба, генералъ-маіоромъ Нагловскимъ, что я и исполнилъ.

День клонился къ вечеру; я долженъ былъ выѣхать только на утро. Рядъ тревожныхъ мыслей волновалъ меня и отнималъ время у необходимаго отдыха. Вполнѣ сочувствуя проекту генерала Гурко, я старался предугадать то впечатлѣніе, съ которымъ онъ будетъ встрѣченъ въ главной квартирѣ. Выясняя себѣ мое личное положеніе въ этомъ дѣлѣ и роль, которую мнѣ приходилось исполнить, я заранѣе опасался тѣхъ возраженій, которыя могли явиться изъ соображенія общаго положенія дѣла на театрѣ войны. Понятно, что нашъ походъ долженъ былъ находиться въ связи съ общими предположеніями и ви-

дами Главнокомандующаго, со взаимнымъ расположеніемъ и обстановкой обѣихъ воюющихъ сторонъ, а между тѣмъ нѣкоторыя данныя въ этомъ смыслѣ мнѣ были неизвѣстны—откуда рядъ опасеній и сомнѣній, не дававшихъ мнѣ покоя.

Главная квартира находилась въ то время въ д. Боготѣ, верстахъ въ 25-ти отъ Дольняго-Дубняка, а Государь Императоръ—въ д. Порадимѣ (12 верстъ отъ Богота). Рано утромъ, 25-го октября, я былъ уже на конѣ. Кабуры у сѣдла наполнены сухарями и флягой съ ромомъ, а сопровождавшій меня казакъ навьюченъ необходимымъ для насъ фуражнымъ запасомъ. Путь мой сначала до Вида пролегалъ впереди нашей аванпостной цѣпи, потомъ по тылу расположенія 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которая рѣдко, но непрерывно перестрѣливалась съ турками. Затѣмъ, я въѣхалъ въ дикое, скалистое Картожабинское ущелье. На днѣ его бѣжитъ ручей въ каменистомъ ложѣ, а по сторонамъ висятъ утесистые, отвѣсные, сплошь каменные бока ущелья. Дорога, а потомъ тропинка безпрестанно перебѣгали съ одной стороны ручья на другую. Вода во многихъ мѣстахъ такъ подмыла скалистые берега, что огромные каменистые массивы казались висящими на воздухѣ, и я со своимъ казакомъ часто верхомъ пробѣзжалъ подъ этими грозными естественными навѣсами. Въ пещерахъ скаль кое-гдѣ видны были пріютившіеся разоренные болгары; въ иныхъ мѣстахъ такія пещеры служили для нихъ постояннымъ мѣстомъ жительства, для чего открытая сторона закладывалась камнями и оставалась свободной только входная дверь. Остатки съѣденной кукурузы—единственной почти пищи несчастныхъ людей—и громкій собачій лай открывали, обыкновенно, присутствіе подобнаго убѣжища. Поднявшись вверхъ по отлично разработанной нашими войсками дорогѣ, я очутился въ кавалерійскомъ лагерѣ генерала Лашкарева (9-я кавалерійская дивизія). Особенный, своеобразный запахъ, свойственный всѣмъ старымъ бивакамъ, цѣлыя тучи мухъ, огромныя скирды фуража, ряды коновязей, солдатскія палатки, нѣсколько полуземлянокъ, полубараковъ, служившихъ убѣжищемъ для офицеровъ—вотъ обстановка, въ которой я очутился и которая такъ извѣстна всѣмъ, кому приходилось дѣлать кампанію. Знакомые и боевые сотоварищи встрѣтили меня съ обычнымъ русскимъ гостепріимствомъ. Вопросы: «куда ѣдете, зачѣмъ?» посыпались, конечно, со всѣхъ сторонъ. Нетрудно было придумать достаточно правдоподобную причину.

Вскорѣ на отдаленномъ горизонтѣ показался Боготѣ. Не только вся деревня, но и окраины ея были набиты различными учрежденіями, войсковыми частями, штабными офицерами, маркитантами, обозами и

т. п. Ориентироваться тамъ было далеко не легко. Благодаря лишь случайности я скоро отыскалъ квартиру адъютанта Главкомаандующаго, полковника Скалона. Самъ онъ былъ у Великаго Князя. Я съѣзъ съ лошади и пробрался къ ставкѣ Его Высочества. Въ обширномъ дворѣ помѣщалась громадная войлочная юрта Великаго Князя Николая Николаевича; недалеко въ сторонѣ раскинутъ былъ шатеръ, служившій столовой Его Высочества, гдѣ обѣдали также чины главной квартиры. Во дворѣ виднѣлось еще нѣсколько юртъ и палатокъ, а въ избахъ тутъ же помѣщались службы Его Высочества и начальникъ штаба, генераль-адъютантъ Непокойчицкій. Дежурный офицеръ вызвалъ ко мнѣ полковника Скалона, которому я въ общихъ чертахъ передалъ (что поручено мнѣ было генераломъ Гурко) цѣль моего прѣзда и просилъ немедленно представить меня Главкомаандующему. Полковникъ Скалонъ обрадовалъ меня заявленіемъ, что Великій Князь самъ уже имѣеть это дѣло въ виду, и что идея забалканскаго похода и выручки арміи генерала Радецаго давно уже занимаетъ Главкомаандующаго. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ введенъ къ Его Высочеству.

— «Здравствуй, Пузыревскій! что скажешь?» — встрѣтилъ меня Главкомаандующій.

— Я присланъ отъ генерала Гурко съ пакетомъ, содержаніе котораго мнѣ извѣстно. вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ отряда поручилъ мнѣ просить разрѣшенія Вашего Высочества лично представить нѣкоторыя разъясненія по вопросу, съ которымъ, быть можетъ, связано быстрое окончаніе войны, а также честь и слава нашего оружія.

— «Очень радъ, очень радъ!» отвѣтилъ Великій Князь, и началъ читать рапортъ. Прервавъ чтеніе, Его Высочество замѣтилъ:

— «А знаешь, мнѣ мысль Гурко очень нравится, потому что она сходится въ основаніи съ моими предположеніями. Я самъ думаю послѣ паденія Плевны послать за Балканы 12 дивизій пѣхоты и четыре кавалеріи, двинувши часть войскъ по софійскому шоссе на Орханію»....

Затѣмъ Великій Князь продолжалъ чтеніе.

Когда Его Высочество кончилъ, я доложилъ, что генераль-адъютантъ Гурко перечислилъ въ рапортѣ только minimumъ силъ, съ которыми онъ берется вести операціи, и что будетъ благодаренъ за всякій лишній баталіонъ, который ему прибавится.

— «А что бы онъ еще желалъ получить?»

Я назвалъ 3-ю пѣхотную дивизію (которая въ рапортѣ не была упомянута), Казанскій драгунскій полкъ, саперный баталіонъ и пр. Великій Князь нѣсколько задумался относительно очищенія (по переходу

дѣ нами Балкановъ) Довчи, съ сожалѣніемъ отказался дать, за неимѣніемъ свободнаго, саперный баталіонъ, но охотно согласился удовлетворить всѣ остальные просьбы генераль-адъютанта Гурко. Въ заключеніе Главнокомандующій прибавилъ:

— «Я совершенно согласенъ съ проектомъ Гурко, но, во-первыхъ, надо будетъ съѣздить къ Государю—знаешь, это вѣдь большое дѣло; а во-вторыхъ, я посоветуюсь еще съ начальникомъ штаба. Теперь же пойдемъ обѣдать».

— Ваше Высочество прикажете мнѣ сопровождать васъ къ Государю?

— «Какъ-же, какъ-же. Я завтра возьму тебя съ собою».

Затѣмъ Великій Князь вышелъ изъ юрты во дворъ, гдѣ уже собралось болѣе 100 человекъ къ обѣду. Шатеръ биткомъ набился обѣдающими. Закусочный столъ плотно осаждался со всѣхъ сторонъ. Руки, вооруженныя вилами и ложечками, протягивались между толпой и повисали въ воздухѣ въ ожиданіи удобной минуты. Такъ какъ каждый изъ обѣдающихъ занималъ обыкновенно определенное мѣсто, то пріѣзжему, новому лицу, трудно было пріютиться. Усѣвшись, наконецъ, и осмотрѣвшись, я могъ ясно разглядѣть всѣхъ начальниковъ различныхъ отдѣловъ полевого штаба. Изъ числа не-военныхъ о-бокъ со мною сидѣлъ князь Черкасскій, а напротивъ Нелидовъ, которые вели между собою оживленную бесѣду, исключительно на французскомъ языкѣ... Никто, повидимому, не стѣснялся присутствіемъ Великаго Князя, и шумный говоръ гудѣлъ надъ столовой. По окончаніи обѣда Великій Князь вскорѣ ушелъ, а за нимъ толпой двинулись и остальные. Среди шумнаго говора разныхъ группъ я услышалъ, что меня зоветъ знакомый голосъ. То былъ голосъ генерала Левицкаго; я явился. «Его Высочество требуетъ васъ къ себѣ», сказалъ онъ.

Въ юртѣ я уже засталъ Великаго Князя и начальника штаба, генераль-адъютанта Непокойчицкаго, который сидѣлъ за однимъ столикомъ съ Его Высочествомъ. Мы съ генераломъ Левицкимъ остались стоя. Его Высочество приступилъ немедленно къ чтенію привезеннаго мною проекта. Начальникъ штаба молчаливо слушалъ чтеніе, а генералъ Левицкій отъ времени до времени отрицательно вздрагивалъ головой, что меня немало смущало. Когда Его Высочество окончилъ, генераль-адъютантъ Непокойчицкій замѣтилъ:

— «Это идея хорошая, надо ее внимательно обдумать. Мысль хорошая, очень хорошая».

Великій Князь перевелъ глаза на генерала Левицкаго.

— «Ваше Высочество—началь генералъ; мнѣ кажется, что проектъ

генераль-адъютанта Гурко неосуществимъ. Мы все время хлопочемъ о томъ, чтобы не удлинять нашей операціонной линіи, а между тѣмъ новое предложеніе неизбежно влечетъ къ этому. Удлиненіе операціонной линіи для насъ крайне невыгодно. Кромѣ того, я не знаю, какъ удастся генералу Гурко обезпечить себя продовольствіемъ, патронами и зарядами.

Зная предположенія генерала Гурко въ послѣднемъ отношеніи, я изложилъ въ общихъ чертахъ рядъ мѣръ, принятыхъ и предположенныхъ въ этомъ смыслѣ. Относительно же опасеній, сопряженныхъ съ удлиненіемъ операціонной линіи, было обращено вниманіе генерала Левичаго на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ предлагается движеніе не всей арміи, а только части ея, отдѣльнаго отряда, который, сверхъ того, при успѣхѣ своихъ операцій, соединится съ шинкинскимъ отрядомъ генерала Радецкаго и будетъ базироваться одинаково съ послѣднимъ. Если же отрядъ генерала Гурко не пойдетъ дальше Балкановъ, то тогда онъ будетъ почти въ такомъ же положеніи (въ смыслѣ длины операціонной линіи), какъ и другія войска, находящіяся на Балканахъ.

Главномандующій, внимательно выслушавъ всѣ объясненія, замѣтилъ, обращаясь къ помощнику начальника штаба.

— «Все что ты говоришь, вообще вѣрно, но къ настоящему случаю не вполне приложимо. Нѣтъ! Идея похода сходится съ моими предположеніями. Такъ завтра мы ѣдемъ въ Порадимъ!»

Счастливый такимъ благопріятнымъ ходомъ дѣлъ, я отправился ночевать къ товарищамъ въ болгарскую избу. Бесѣда, послѣ продолжительной разлуки и массы пережитыхъ впечатлѣній, затаянулась до глубокой ночи.

Въ 9 часовъ утра другаго дня (26-го октября) я уже находился у ставки Главномандующаго. Вскорѣ подана была коляска, запряженная четверней. Великій Князь сѣлъ рядомъ съ начальникомъ штаба, а я напротивъ. Его Высочество, узнавъ, что я участвовалъ въ бою подъ Горнимъ-Дубнякомъ, сталъ подробно разспрашивать о различныхъ его эпизодахъ и дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ время незамѣтно прошло, и скоро коляска, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по узкимъ проулкамъ Порадима, остановилась у открытыхъ воротъ двора, гдѣ помѣщалось жилище Его Величества Государя Императора. Великій Князь съ генераль-адъютантомъ Непокойчицимъ отправились къ Его Величеству, а я остался во дворѣ, гдѣ рассказывали нѣкоторые изъ лицъ, составлявшихъ свиту Государя. Черезъ нѣсколько минутъ вы-

бѣжалъ изъ покоевъ лакей и сталъ выкликать меня по фамиліи: «пожалуйте къ Его Величеству».

Государь Императоръ помѣщался въ обыкновенномъ болгарскомъ сельскомъ домикѣ. Изъ маленькѣхъ сѣней я вошелъ въ комнату среднихъ размѣровъ, полъ которой былъ устланъ ковромъ. На окнахъ висѣли простенькія занавѣски, а посрединѣ комнаты стоялъ большой, покрытый сукномъ, столъ, съ разложенными на немъ картами. На противоположной ко входу сторонѣ стола сидѣли: военный министръ, Главнокомандующій и генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; лѣвѣе Его Величества находился свободный стулъ, на который, послѣ привѣтствія, Государь указалъ мнѣ сѣсть.

Послѣ того Великій Князь немедленно сталъ читать проектъ генералъ-адъютанта Гурко, а Государь, надѣвъ очки въ черепаховой оправѣ, слѣдилъ за чтеніемъ по картѣ. Въ самомъ началѣ чтенія Его Величество обратился къ Великому Князю Николаю Николаевичу:

— «Виновать, что прерву, изволилъ сказать Государь Императоръ; знаешь, Я получилъ отъ Шувалова, изъ Лондона, любопытное письмо; правда, оно писано еще до нашей кавказской побѣды. Англичане предлагаютъ мирное посредничество на условіи ограниченія правъ Румыніи и содержанія турецкаго гарнизона въ Бѣлградѣ!

Послѣ того чтеніе опять продолжалось. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о формированіи софійской арміи и угрожающемъ для насъ ея значеніи, Его Величество снова изволилъ обратиться къ Великому Князю.

— «Я очень радъ—замѣтилъ Государь—что Гурко такъ серьезно смотритъ на эту армію. Изъ тѣхъ немногихъ словъ, которыя онъ мнѣ сказалъ при свиданіи, Я думалъ, что онъ легко къ ней относится».

— Мнѣ казалось—отвѣтилъ Главнокомандующій—что онъ всегда оцѣнивалъ ее серьезно. Онъ только говорилъ, что послѣ Горняго Дубняка и Телиша турки въ паникѣ, и Шевкетъ-паша бѣжалъ въ Орханіе съ 12-ю баталіонами передъ нашимъ конно-гренадерскимъ разѣздомъ.

— «Во всякомъ случаѣ—замѣтилъ Государь—Я очень радъ, очень радъ, что онъ такъ смотритъ на дѣло».

По окончаніи чтенія рапорта генералъ-адъютанта Гурко, немедленно прочтена была также записка генералъ-адъютанта Тотлебена. Въ этой запискѣ, не указывая опредѣленныхъ цѣлей, а также деталей и практическихъ подробностей исполненія, генералъ-адъютантъ Тотлебенъ предлагалъ вообще начать наступательныя дѣйствія. Главнокомандую-

шій, прочтя эту записку, замѣтилъ, что по духу она сходится съ предложеніемъ генераль-адъютанта Гурко.

Послѣ того Государь Императоръ возбудилъ вопросъ относительно продовольствія и снабженія боевыми припасами отряда, который предполагалось двинуть за Балканы. Такъ какъ мнѣ въ точности были извѣстны всѣ мѣры, принятыя уже съ этою цѣлью, а также и тѣ, къ выполненію которыхъ предполагено было приступить немедленно по полученіи разрѣшенія двинуться, то я и доложилъ соображенія генерала Гурко, причемъ Его Величество одобрительно кивнулъ головою. При обсужденіи проекта было также выражено опасеніе относительно возможности встрѣтить у Орханіэ нѣчто въ родѣ Плевны.

— По тѣмъ свѣдѣніямъ—докладилъ я на это—которые мы имѣемъ отъ плѣнныхъ лазутчиковъ, и перебѣжчиковъ, рѣшительно невозможно заключить, чтобы у Орханіэ былъ устроенъ лагерь подобно плевненскому. Поэтому, чѣмъ мы скорѣе туда двинемся, тѣмъ менѣе турки будутъ имѣть возможности укрѣпиться. Еще менѣе успѣютъ они снабдить свой лагерь достаточнымъ гарнизономъ, обеспеченнымъ боевыми и продовольственными припасами. При отсутствіи послѣдняго условія укрѣпленнымъ лагеремъ легче овладѣть, дѣйствуя на сообщенія.

Послѣ этого были разъяснены еще нѣкоторыя подробности дѣла. Затѣмъ, Великій Князь обратился къ Его Величеству: «Пузыревскаго можно отпустить?»

— «Да, ты можешь ѣхать—сказалъ мнѣ Государь Императоръ.—Кланяйся отъ Меня Гурко и скажи, что Я его благословляю. Желаю вамъ всякаго успѣха».

Я вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ покоевъ показался Его Величество и всѣ лица, участвовавшія въ совѣтѣ.

Въ это время назначено было отслужить, по случаю побѣды при Деве-Бойну, молебствіе при почетной конвойной ротѣ, куда отправился Государь Императоръ, Великій Князь и вся свита. Такъ какъ я пріѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Главнокомандующимъ, то тоже пошелъ на молебенъ. По окончаніи его Государь уѣхалъ верхомъ съ Великимъ Княземъ, кажется въ госпиталь, а я остался у воротъ дома Его Величества, гдѣ и разговорился съ прибывшимъ изъ рущукскаго отряда адъютантомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, полковникомъ Васмундомъ, назначеннымъ командиромъ лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона. Вскорѣ вернулись изъ поѣздки Государь Императоръ и Великій Князь. Замѣтивъ насъ, Его Величество слѣзъ

съ лошади, приблизился къ намъ и, положи руку на плечо Васмунда, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— «Попроси Гурко побережь ихъ (Государь разумѣлъ гвардію). Вѣдь это любимыя Мои дѣти; Я ихъ люблю не только какъ Государь, но какъ и бывший начальникъ дивизіи и корпусный командиръ. Слава Богу, они доказали, что не бѣлоручки, и честно, мужественно поддержали свое доблестное имя, хотя, къ сожалѣнію, съ большими потерями!»! Далѣе Государь не могъ отъ волненія продолжать рѣчь.

— Въ этихъ потеряхъ, сказалъ я, Ваше Величество, можно утѣшиться отчасти тѣмъ, что гвардія теперь презираетъ противника, единственной защитой которому служить его огонь.

— «Это правда, замѣтилъ Государь. Это важный результатъ. Ну, прощай. Кланяйся отъ Меня Гурко. Дай Богъ вамъ успѣха и счастья!»!

Послѣ этого Государь обнялъ насъ съ Васмундомъ и ушелъ къ себѣ. Передъ отправкой, я былъ приглашенъ къ столу Его Величества. Столовая была устроена во дворѣ Государя Императора, подъ просторнымъ навѣсомъ. Въ этотъ день Его Величество не присутствовалъ за общимъ столомъ и завтракалъ у себя въ покояхъ съ Великимъ Княземъ и еще съ нѣсколькими лицами.

Бѣлый мягкій хлѣбъ показался мнѣ необычайно вкуснымъ, и я быстро объѣлъ своихъ сосѣдей. Уже около мѣсяца я жилъ исключительно на сухаряхъ, которыми изодралъ себѣ съ непривычки десна. А единственнымъ, неизмѣннымъ блюдомъ моимъ былъ каждый день супъ изъ баранины. Казакъ мой приобрѣлъ стадо въ 23 головы барановъ, которыхъ мы съ товарищемъ, подполковникомъ Ставровскимъ, и гоняли за собою, повсюду. Пища, за неизмѣнемъ посуды, готовилась въ водопойномъ ведрѣ, т. е. въ ведрѣ, изъ котораго поились лошади. Узнавши о нашихъ продовольственныхъ неудобствахъ, одинъ изъ моихъ сосѣдей снабдилъ меня на дорогу нѣсколькими бѣлыми хлѣбами и разнообразной холодной закуской. Послѣ завтрака я отправился, уже вмѣстѣ съ полковникомъ Васмундомъ, къ Боготу. Тамъ я засталъ дещу отъ генерала Нагловскаго съ вопросомъ относительно принятыхъ рѣшеній. Я немедленно отвѣчалъ: «Послѣдовало полное согласіе». Утромъ слѣдующаго дня я явился къ начальнику штаба за письмомъ къ генералъ-адъютанту Гурко, а потомъ къ Великому Князю—за послѣдними приказаніями.

— «Ну, кланяйся Гурко—сказалъ Его Высочество. Ты знаешь въ чемъ дѣло. А когда вы возьмете Софію, то.... и сербы начнутъ дѣйствовать!»!

— Это извѣстiе будетъ самымъ неожиданнымъ и прiятнымъ сюрпризомъ для начальника отряда.

— «Смотри-же, будьте молодцами!

— Ваше Высочество! мы теперь такъ воодушевлены, что сдѣлаемъ все, что только въ силахъ человѣческихъ!

— «Знаю, знаю—сказала улыбаясь Главкомандующiй. Васъ теперь надо сдерживать, а не подталкивать!» Съ этими словами Великiй Князь простился и отпустилъ меня.

Черезъ минуту я былъ уже на конѣ и радостно торопился во-своаси. Куда какъ привѣтливѣе показалось теперь Картожабинское ущелье!

Въ Дубнякѣ я прямо, не слѣзая съ лошади, отправился къ генералу Гурко. Его не было дома; по обыкновенiю, онъ отправился въ объѣздъ войскъ и на рекогносцировку. Я зашелъ къ генералу Нагловскому. Едва я началъ рассказъ о своихъ странствованiяхъ, какъ прiѣхалъ генераль-адъютантъ Гурко.

— «Ну что, полковникъ? Успѣшно-ли?»

— Болѣе, чѣмъ ожидали, ваше превосходительство!

— «Дмитрiй Станиславовичъ, воскликнулъ генераль,—слышите? болѣе чѣмъ ожидали! Ну, рассказывайте! Пойдемте ко мнѣ!»

Генераль Гурко, затворивъ дверь, подробно сталъ спрашивать о дѣлѣ.....

Закипѣла усиленная, энергическая работа по приготовленiю къ походу. Кто зналъ тайну, съ нетерпѣнiемъ ожидалъ наступленiя счастливой минуты—начала движенiя.....

Въ отрядѣ, между тѣмъ, распространился слухъ, будто бы я вѣдичъ съ тайнымъ порученiемъ къ Осману-пашѣ....

У.

Отъ Плевны до Балкановъ.

Сборы въ походъ.—Распоряженія по продовольствію.—Сваряженіе вьюковъ.—Балканскія предгорья.—Рекогносцировка къ Правцу.—Движеніе къ Правцу колонны генерала Рауха 9-го—11-го ноября.—Бой 11-го ноября.—Ханъ-Правецъ.—Движенія къ Этрополю.—Попытка рекогносцировки прохода черезъ Большіе Балканы.

Съ полученіемъ разрѣшенія двинуться къ Балканамъ, отрядъ нашъ немедленно началъ изготавляться къ дальнему походу. Начальникъ отряда обратилъ особенное вниманіе на обезпеченіе войскъ продовольствіемъ какъ на мѣстѣ, такъ и при дальнѣйшемъ движеніи. Съ этою цѣлью были сдѣланы, между прочимъ, слѣдующія распоряженія.

«Такъ какъ въ скоромъ времени можно ожидать наступленія дурной погоды, при которой подвозъ сухарей неминуемо затруднится въ высшей степени, то предписываю войскамъ особенно бережливо расходовать получаемые ими сухари. При усиленной дачѣ мяса, расходъ сухарей долженъ быть очень малъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ предписываю высылать команды для сбора кукурузы и замѣнять ею часть сухарной дачи. Изъ подвозимыхъ же на интендантскихъ транспортахъ сухарей образовать запасы, которые можно было бы расходовать въ крайнихъ случаяхъ» (Парольное приказаніе 26-го октября 1877 г.).

Въ парольномъ же приказаніи отъ 29-го октября 1877 года говорится:

«Команданту въ Петерницѣ майору Мередику. Начальникъ отряда приказалъ озаботиться сборомъ зерноваго хлѣба и скота для войскъ. Зерновой хлѣбъ свозить для перемола въ ближайшія мельницы и затѣмъ, удержавъ для войскъ медованскаго отряда третью часть смолотаго хлѣба, остальныя двѣ трети сдавать команданту въ Чириково, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка—капитану Анищенкову. Въ виду того, что для своза изъ дер. Петерницы въ ближайшія мельницы и въ Чириково хлѣба необходимы подводы, начальникъ отряда приказалъ всѣ взятые изъ д. Петерницы подводы отправить обратно въ названную деревню и затѣмъ уже изъ этой деревни подводу больше не брать».

Относительно устройства хлѣбопеченія въ Радомирцахъ и накопленія сухарей въ войскахъ были отданы слѣдующія приказанія:

«1) Приступить немедленно къ устройству въ Радомирцѣ хлѣбопечарныхъ печей для 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій съ ихъ артилеріею, для гвардейской стрѣлковой бригады и для 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи

съ ея артилерією. Мѣра эта вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что около Радомирцъ есть много мельницъ и что доставка туда муки изъ Искера гораздо удобнѣе и легче чѣмъ въ Чириково. Печи эти должны быть готовы отнюдь не позже вечера 1-го ноября.

«2) Въ виду приближающейся распутицы можно ожидать, что въ скоромъ времени прекратится всякій подвозъ сухарей изъ Систова. Поэтому еще разъ подтверждается войскамъ, что необходимо копить сахарный запасъ. Въслѣдствіе этого предписывается, чтобы къ вечеру 1-го ноября во всѣхъ частяхъ войскъ гвардіи образовался бы десяти-дневный запасъ сухарей. Кормить же людей слѣдуетъ все это время печенымъ хлѣбомъ, причѣмъ войскамъ самимъ озаботиться пріобрѣтеніемъ муки у жителей окрестныхъ деревень. Вообще для облегченія дѣятельности полевого интендантства, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ очень трудна, войска должны сами изыскивать средства для покупки муки и для сбереженія сахарнаго запаса» (Парольное приказаніе 27-го октября 1877 г.).

Въ приказаніи отъ 1-го ноября говорилось:

«На кавалерію Западнаго отряда возложено начальникомъ отряда собраніе подвода и пшеничнаго зерна въ районѣ между рр. Искеромъ и Скитомъ, для чего въ населенные пункты на означенномъ пространствѣ командированы офицеры, которымъ приказано выдавать жителямъ квитанціи въ количествѣ и родѣ забраннаго, съ объясненіемъ, добровольно или силою забраны подводы, мука и зерно. Собранные такимъ образомъ продукты и подводы, по сосредоточеніи въ деревни Магалетъ, интенданту 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи направлять транспортомъ съ конвоемъ въ д. Радомирцы въ распоряженіе свиты Его Величества генераль-маіора Брока; туда же назначенъ интендантскій чиновникъ для принятія муки и зерна и выдачи вознагражденія за поставленныя добровольно: за кило пшеничной муки 5 руб. звонкою монетою и за кило пшеничнаго зерна 3 руб. 50 коп., а за поставленныя подводы по два франка въ сутки. За забранное же у жителей силою уплачивать въ половинѣ вышеозначенной цѣны въ наказаніе за сопротивленіе. Всѣмъ болгарамъ при выдачѣ квитанцій за забранное или добровольно поставленное подтверждать, чтобы они, или довѣренные отъ селеній, сопровождали транспортъ съ поставленными продуктами до д. Радомирцы, гдѣ они и получаютъ слѣдующее вознагражденіе отъ интендантскаго чиновника, по удостовѣреніи симъ послѣднимъ дѣйствительности поставленнаго съ выданною офицерамъ квитанціей, и суточныхъ за подводы, которыя по уплатѣ суточныхъ не распускаются, а продолжаютъ подвозить хлѣбные продукты изъ д. Магалетъ и другихъ пунктовъ впредь до дальнѣйшихъ о сѣмъ распоряженій. Записки, представляемыя болгарами или ихъ повѣренными за взятые продукты и подводы, принимать къ уплатѣ только при удостовѣреніи въ истинности доставки въ д. Радомирцы».

Мы, офицеры, тоже начали энергически готовиться къ походу. Приказано было всѣмъ обзаводиться вьюками. Въ Петербургѣ мы мало ду-

мали о возможности подобнаго способа перевозки вещей. Въ книжкахъ такъ убѣдительно говорится о неудобствѣ выюковъ, о томъ, что имъ всегда слѣдуетъ предпочесть повозки, и проч. и проч. При такомъ взглядѣ практическія условія похода ускользали отъ вниманія; вдобавокъ выюкъ въ Петербургѣ стоитъ очень дорого—около 160 руб. Это уже совсѣмъ не по карману для огромнѣйшаго большинства офицеровъ, и рѣдко кто обзавелся имъ. Пришлось теперь устроиваться «домашними средствами». Прежде всего подъ выюкъ мы со Ставровскимъ рѣшились взять упряжныхъ лошадей, а въ телѣгу какъ-то впрягли пріобрѣтенныхъ буйволовъ. Что же касается выючнаго сѣдла, то я былъ такъ счастливъ, что случайно нашелъ у себя во дворѣ деревянный его остовъ, брошенный турками; вмѣсто же потника приказалъ сшить мѣшокъ и набить его соломой. Два саквояжа послужили чемоданами. Другіе офицеры, приблизительно, такъ же снарядились; тотъ же, кто не могъ добыть ленчика, ограничивался просто однимъ лишь мѣшкомъ или попоной или, наконецъ, обыкновеннымъ запаснымъ сѣдломъ, сверхъ которыхъ перебрасывался выюкъ.

Такъ какъ я впоследствии былъ доволенъ снаряженіемъ своего выюка, то перечислю все, что въ немъ помѣщалось: пять смѣнъ бѣлья (можно бы ограничиться 3-мя—4-мя), шесть носовыхъ платковъ, дюжина носковъ, сюртукъ, брюки, пара сапоговъ, умывальныя принадлежности, приборъ для чаю (съ маленькимъ самоваромъ), двѣ жестяныя тарелки, ложка, ножъ и вилка (последнія три вещи складныя), $\frac{1}{2}$ ф. чаю, 6 ф. сахару, нѣсколько фунтовъ сухарей и холодной закуски, 1,000 штукъ палирость и два полотнища офицерской походной палатки. Все это помѣщалось въ двухъ саквояжахъ и ящикѣ. Сверхъ же сѣдла, параллельно спинѣ лошади, накладывалась легкая деревянная постель съ принадлежностями. На другой лошади ѣхалъ мой деньщикъ, имѣя при себѣ свои вещи, двѣ саквы фуража и фунтовъ 10 сѣна. Выюкъ, снаряженный такимъ образомъ, слѣдовалъ за мною до самаго Константинополя. Въ теченіе всего похода, я видѣлъ только три раза свою повозку и пользовался этими случаями, чтобы пополнить свои запасы. На мнѣ, кромѣ одежды и обыкновеннаго оружія, находились: револьверъ съ запасомъ патроновъ, бинокль (три окуляра) и сумка, по прусскому образцу, для картъ, плановъ, письменныхъ принадлежностей и проч. (очень практичная). Въ числѣ послѣднихъ отлично сослужили свою пользу такъ называемыя «вѣчныя перья». Не смотря на сырость, которую они не любятъ, за весь походъ у меня израсходовано 10 перьевъ, хотя я все время корреспондировалъ довольно обильно.

Въ расположеніи нашихъ войскъ подъ Плевной были сдѣланы нѣ-

которыя намѣненія, а именно: въ приказѣ по отряду отъ 29-го октября говорилось:

«Съ постройкою новыхъ редутовъ, къ сѣверо-востоку отъ Волинской горы, и расширенія, вслѣдствіе этого, фронта позиціи медованскаго отряда, предписываю:

1) Одному баталіону лейбъ-гвардіи Литовскаго полка занять деревни Тырнеиъ.

2) Лейбъ-гвардіи Волинскому полку и тремъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка занять позицію на Волинской горѣ.

3) Назначить одну роту отъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, въ прикрытіе батареи на Медованской горѣ, причеиъ батарея и прикрывающая ее рота подчиняются начальнику передовой оборонительной линіи на Волинской горѣ.

4) Оба новыхъ редута занять С.-Петербургскому гренадерскому короля Фридриха Вильгельма III полку, съ переводомъ бивака того полка въ дер. Бартожабъ. Новые редуты именовать: лѣво-фланговый—редутомъ Мирковича, право-фланговый—редутомъ Старынкевича.

5) Кексгольмскому гренадерскому императора австрійскаго полку составить общій резервъ войскъ медованскаго отряда и стать въ ущельяхъ между Медованскою и Волинскою горами, продолжая попрежнему высылать ежедневно одинъ баталіонъ для занятія передовыхъ постовъ на свою бывшую позицію.

6) На позицію, занимавшуюся до сего времени Кексгольмскимъ гренадерскимъ императора австрійскаго полкомъ, высылать ежедневно къ 2-мъ часамъ дня, по распоряженію начальника дольно-дубнянскаго отряда, по очереди, по два баталіона отъ полковъ 2-й гвардейской дивизіи и лейбъ-гвардіи Егерскаго полка для занятія этой позиціи.

7) Начальникомъ передовой оборонительной линіи на Волинской горѣ назначается генераль-маіоръ Мирковичъ.

«Начальникомъ позиціи на редутахъ Мирковича и Старынкевича—назначается генераль-маіоръ Курловъ.

«Подлинный подписалъ командующій войсками гвардіи и кавалеріею Западнаго отряда. Генераль-адъютантъ *Гурко*.

Относительно дѣйствій сосѣднихъ отрядовъ продолжались сообщенія свѣдѣній; такъ, отъ 26-го октября было объявлено:

«Конно-гренадеры заняли Каменополь и выслали сильные разѣзды къ Врацѣ; лейбъ-гусары захватили 90 повозокъ и нѣсколько штукъ рогатаго скота отъ убѣжавшихъ турокъ, заняли Габоре и выслали сильные разѣзды на Врбицу и Вероску (помянутые пункты къ сторонѣ Врацы). Кавказская казачья бригада заняла, 24-го октября, Оссиково и выслала разѣзды къ Орханію; летучій отрядъ флигель-адъютанта Орлова, изъ Оссикова,

выслалъ сильныя партіи на Этрополь (въ Балканахъ) и къ Правцу. Бригада генерала Давыдова отъ 3-й пѣхотной дивизіи заняла Яблоницу.

«Вечеромъ, 28-го октября, отрядъ генераль-лейтенанта Скобелева овладѣлъ первымъ кряжемъ Зеленыхъ горъ, а въ ночь съ 28-го на 29-е октября укрѣпилъ занятую позицію, не смотря на двукратный переходъ турокъ въ наступленіе. 28-го же октября, отрядъ генераль-маіора Леонова—полки Конно-Гренадерскій, Лейбъ-Драгунскій и Лейбъ-Уланскій Его Величества съ конною батареею—овладѣлъ съ боку городомъ Врацей; при этомъ послѣ артилерійской канонады всѣ полки спѣшились, выбили 800 человекъ пѣхоты изъ ложементовъ, а одинъ дивизионъ Конно-Гренадеровъ ударилъ на ложементы въ конномъ строю. Какъ пѣхота, такъ и 300 черкесовъ бѣжали, оставивъ большой транспортъ съ продовольственными запасами, предназначавшимися для орханійскихъ войскъ. Въ тотъ же день лейбъ-гвардіи Московскій полкъ занялъ селеніе Осикиво (на шоссе). 29-го, утромъ, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія заняла гору впереди бывшей своей позиціи и успѣла построить редутъ.

«Какъ овладѣніе городомъ Врацей, такъ и возведеніе редута произведено съ ничтожными потерями».

Между тѣмъ, 3-го ноября, рано утромъ, смѣнила насъ прибывшая, кажется наканунѣ, 3-я гренадерская пѣхотная дивизія, занявшая постепенно и тихо, чтобы турки не замѣтили, позицію 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Итакъ, прощай заколдованная Плевна! Съ радостнымъ чувствомъ снялись мы съ позиціи и начали вытягиваться по шоссе.

Впереди шла 2-я гвардейская пѣхотная дивизія со стрѣлковой бригадой; за нею, въ переходѣ, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, при которой я состоялъ. Первый ночлегъ нашъ былъ назначенъ въ Телишѣ. Подъѣзжая къ нему, мы съ Каульбарсомъ и Протопоповымъ отправились осматривать ту позицію, на которой такъ несчастливо дѣйствовали егеря; свернувъ съ шоссе влѣво, мы скоро подѣхали къ траншеямъ, лежавшимъ противъ юго-восточнаго фаса телишскихъ укрѣпленій. Оторванныя части мундировъ, разбросанные патроны и, наконецъ, три большія общія могилы указали намъ мѣсто дѣйствія полка. Изъ ближайшаго осмотра мѣстности оказалось, что если бы провести полкъ лѣвѣе саженой на двѣсти по лошинѣ, а батарею поставить на рѣзко возвышавшемся позади хребтѣ, то полкъ не понесъ бы, вѣроятно, столько потерь; кромѣ того, онъ зашелъ бы въ тылъ туркамъ, гдѣ укрѣпленіе было открыто.

Рядомъ съ могилами, стоя одичалыхъ собакъ терзала какой-то остовъ животнаго и дико озлилась на насъ....

Мы отправились на ночлегъ въ разоренную избу. Къ вечеру, когда войска раскинулись бивакомъ по хребтамъ и долинамъ, и зажглись бивачные безчисленные огни, мы всё любовались по истинѣ восхитительной картиной.

На слѣдующее утро мы было собрались уже двигаться, какъ узнали, что ночью пришла депеша, приказывавшая: пріостановить наше движеніе въ виду ожидаемой вылазки Османа изъ Плевны. Для насъ это распоряженіе осталось непонятнымъ: или мы нужны подъ Плевной, тогда не-зачѣмъ было насъ и двигать, или тамъ можно обойтись имѣющимися войсками—тогда наша остановка излишняя.

Еъ 11^{1/2} часамъ пришло приказаніе продолжать движеніе къ д. Радомирцамъ. Съ этого перехода мы вступили уже въ Балканскія предгорья. Дорога то поднималась на горы, то спускалась въ долины, причемъ на Балканы открывались чудеснѣйшіе виды; вдали передъ намъ высились громадныя массы Траяна и Калофера, а непосредственно передъ глазами, на обширномъ пространствѣ, раскинулись предгорья съ мягкими очертаніями, покрытыя рощами, лугами и виноградниками. Хотя днемъ было еще тепло (нѣсколько дней передъ тѣмъ, одинъ солдатъ купался), но зелень почти вся исчезла, и общая картина носила отпечатокъ какой-то суровости. Если прибавить къ этому слабую населенность страны, всеобщее ея разореніе (турецкое населеніе бѣгло отъ насъ, а болгарское отъ турокъ), то станетъ понятно, что роскошь природы не могла вполне побороть въ насъ грустныхъ размышленій. Въ Радомирицѣ мы ночевали въ избѣ и тутъ же мы разстались съ нашими обозами: далѣе уже пошли на вьюкахъ.

Слѣдующій (т. е. 6-го ноября) переходъ вышелъ всего въ 10 верстъ. Шоссе было такъ же удобно, какъ и прежде, такъ что артилерія шла въ два орудія. Природа такъ же сурово-величественна, какъ и на предъидущихъ переходахъ; но горы становились все громаднѣе и и громаднѣе и доходили до высоты 3,000 ф. Воздухъ прелестный, дышется полною грудью, солнце согрѣваетъ умѣренно, но кругомъ пустыня, разореніе и безмолвіе....

Бивакомъ мы стали позади деревни Яблоницы, въ которой помѣстился генералъ Гурко со штабомъ. Впереди селенія стала 2-я гвардейская дивизія со стрѣлками.

Населеніе насъ встрѣчало дружелюбно, но оно было ограблено турками и не могло быть намъ особенно полезнымъ; приходилось попрежнему довольствоваться фуражировками и случайными добычами. До чего турки безцеремонны съ несчастнымъ населеніемъ, видно изъ того,

что въ Радомирцахъ турки, вымогая деньги у болгаръ, зарѣзали семь человѣкъ, и мы видѣли одинъ трупъ, терзаемый на дорогѣ собаками.

Въ Яблоницѣ распространился слухъ, что будто бы мы надолго тамъ пріостановимся, и что приказаніе объ этомъ исходитъ изъ полевого штаба. Едва ли это не была военная хитрость. Между тѣмъ, генераль-адъютантъ Гурко собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльных частей, объявилъ имъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ относительно укрѣпленія занятой нами позиціи. Тутъ же онъ произнесъ энергическую рѣчь, въ которой предложилъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не позволялъ себѣ легкомысленныхъ сужденій вкривь и вкосъ относительно хода нашихъ дѣйствій, причѣмъ замѣтилъ: «впослѣдствіи меня будетъ судить исторія; теперь же единственные судьи моихъ дѣйствій главнокомандующій и Государь Императоръ, и пока эта голова на плечахъ (онъ указалъ на свою голову), она одна будетъ распоряжаться». Затѣмъ, очертивъ предстоящія отряду трудности, генераль-адъютантъ Гурко желалъ получить ручательство командировъ частей, что войска выдержатъ съ честью и твердостью предстоящія имъ гигантскія усилія. Разумѣется, всѣ единодушно отвѣчали, что ручаются за свои части, и, какъ событія впослѣдствіи показали, то было ручательство силы, увѣренной въ своей мощи.

Въ Яблоницѣ былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ, относительно распредѣленія нашихъ войскъ на отряды и службы въ каждомъ изъ нихъ:

«Войска ввѣреннаго мнѣ отряда формируются въ слѣдующіе три отряда:

1) *Передовой отрядъ*, подъ начальствомъ командира 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіора Дандевиля. Въ составъ этого отряда войдутъ слѣдующія части:

1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—8 баталіоновъ; 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ; 4-я батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады—8 орудій; одна 9-ти-фунт. и двѣ 4-хъ-фунт. батареи 3-й артилерійской бригады—24 орудія; Кавказская казачья бригада—12 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій; Сводная Драгунская бригада—8 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій; Сводная Донская казачья бригада—6 сотенъ и 6 конныхъ орудій; 19-я Донская казачья батарея—6 конныхъ орудій.

Всего: 14 баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, 26 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія.

Такъ какъ 9-ти-фунт. батарея 3-й артилерійской бригады еще не прибыла во ввѣренный мнѣ отрядъ, то взамѣнъ ея предписываю командировать временно въ составъ передоваго отряда еще одну батарею лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады.

«2) *Правый летучій отрядъ*, подъ начальствомъ командующаго 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизією, генераль-маіора Леонова.

Въ составъ этого отряда войдутъ:

Лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскій полкъ — 4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ—4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ—4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Уланскій Его Величества полкъ—4 эскадрона; 2-я, 3-я и одинъ взводъ 6-й батареи гвардейской конной артилеріи — 14 конныхъ орудій.

Всего: 16 эскадроновъ и 14 конныхъ орудій.

«3) Наконецъ *главная сила*, подъ командой начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генераль-адъютанта графа Шувалова, состоятъ резервный яблоницкій отрядъ, въ составъ котораго войдутъ:

1-я гвардейская пѣхотная дивизія—16 баталіоновъ и 48 пѣшихъ орудій; 2-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи—8 баталіоновъ; гвардейская стрѣлковая бригада—4 баталіона; пять батарей лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады—40 пѣшихъ орудій; лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ—1 баталіонъ; лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ — 4 эскадрона; лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ—4 эскадрона; 5-я и два взвода 6-й батареи гвардейской конной артилеріи — 10 конныхъ орудій; 1-я конно-горная батарея—6 конныхъ орудій.

Всего: 29 баталіоновъ, 88 пѣшихъ орудій, 8 эскадроновъ и 16 конныхъ орудій.

«Изъ этого отряда одна батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады временно командирруется въ составъ передоваго отряда. Передовому отряду расположиться у Голѣмы Болгарскій-Изворъ, имѣя авангарды на укрѣпленныхъ позиціяхъ по орханійской и этропольской дорогамъ. Правому летучему отряду базироваться на Врацу и дѣйствовать въ западной части Болгаріи.

«Яблоницкому отряду стать въ окрестностяхъ деревни Яблоницы.

«Войскамъ яблоницкаго и передоваго отрядовъ приступить къ укрѣпленію занимаемыхъ ими позицій и немедленно построить шалаши на случай наступленія зимняго времени.

«Главное наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ, какъ въ частяхъ, такъ и въ занимаемыхъ ими районахъ, возлагаю на начальниковъ отрядовъ.

«Для передачи приказаній и донесеній устроить слѣдующія полевыя конныя почтовые линіи: 1) отъ Тетевена до Голѣмы Болгарскій-Изворъ—отъ сводно-донской казачьей бригады; 2) отъ Голѣмы Болгарскій-Изворъ до Яблоницы—отъ сводной драгунской бригады; 3) отъ Яблоницы до Старосела (на Большомъ Искерѣ)—отъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка; 4) отъ Старосела до Врацы—отъ частей праваго летучаго отряда; 5) отъ Яблоницы до Радомиры—отъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка; 6) отъ позицій авангар-

довъ передоваго отряда до Голѣмы Болгарскій-Изворъ и отъ позиціи у дер. Умковицы (Оссиково) до Яблоницы—отъ Кавказской казачьей бригады.

«Каждая изъ упомянутыхъ выше линій должна быть подъ начальствомъ офицера, который отвѣчаетъ за знаніе нижними чинами своихъ обязанностей, за правильность разстановки постовъ, которые должны отстояти другъ отъ друга на три версты, и за скорость передачи приказаній и донесеній. На каждомъ посту должно быть по пяти человекъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть за старшаго. Пересылка частныхъ писемъ и посылокъ по полевой конной почтѣ строжайше запрещена. Смѣна людей на постахъ должна быть черезъ каждые три дня.

«На укрѣпленныхъ позиціяхъ всѣ батареи должны быть перенумерованы, и на батареяхъ должны быть таблички съ указаніемъ номера батареи. Всѣ позиціи должны быть раздѣлены на участки, и на каждомъ участкѣ должны быть таблички съ надписью части, предназначенной для занятія участка. Профили укрѣпленій должны быть достаточной величины, изъ за которыхъ людямъ было бы удобно производить стрѣльбу.

«Сторожевая служба должна вестись съ полною бдительностью. Отъ насъ къ неприятелю никого ни подъ какимъ предлогомъ не пропускать: напротивъ того, отъ неприятеля пропускать всѣхъ, но предварительно препровождать въ штабы начальниковъ отрядовъ. Устройство сторожевой службы возлагается на отвѣтственность начальниковъ отрядовъ.

«Никакихъ, ни дневныхъ, ни ночныхъ, тревогъ на бивакахъ не допускать. Внушить всѣмъ людямъ, что никакихъ нечаянныхъ нападеній на биваки быть не можетъ, а потому людей выводить по приказаніямъ, а не по сигналамъ тревоги. Ночью соблюдать полнѣйшую тишину. Музыка не играть и зори не трубить. Въ случаѣ какой-либо тревоги всѣмъ начальствующимъ лицамъ принимать самыя энергичныя мѣры къ прекращенію ея. Виновные же въ поднятіи тревоги будутъ предаваемы военному суду.

«Всѣмъ начальствующимъ лицамъ постоянно и бдительно слѣдить за соблюденіемъ всѣхъ гигиеническихъ мѣръ.

«Разрѣшается выдавать людямъ полную дневную дачу сухарей.

«Всѣмъ начальникамъ частей представить прямо въ штабъ отряда вѣдомость о больныхъ съ указаніемъ рода болѣзней, и затѣмъ каждое воскресенье представлять вѣдомость о движеніи болѣзненности въ теченіе истекшей недѣли.

«Къ 8-му ноября представить вѣдомости о боевой силѣ частей.

«Всѣ сотни, команды и отдѣльные казаки Донскаго казачьяго № 4-го полка должны быть немедленно отправлены въ штабъ полка въ Дольній-Дубнякъ. Казаки этого полка, содержащіе конную почту отъ Яблоницы до Радомирицы, должны быть немедленно смѣнены лейбъ-гвардіи Гусарскимъ полкомъ и отправлены въ Дольній-Дубнякъ. Такимъ образомъ, къ югу отъ Радомирицы не должно быть ни одного казака Донскаго казачьяго № 4-го полка».

Подписалъ: Начальникъ отряда генералъ-аъютантъ *Гурко*.

Отдавши эти распоряженія, генераль-адъютантъ Гурко сталъ обдумывать дальнѣйшія операціи. Еще 8-го ноября рано утромъ онъ потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ обрекогносцировать дорогу на д. Видраръ и Калугерово и далѣе въ обходъ правецкой позиціи турокъ. вмѣстѣ со мною были отправлены баталіонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, подъ начальствомъ полковника графа Граббе, и эскадронъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра Норда. Половина этихъ войскъ должна была остаться въ Видрарѣ и войти разбѣдами въ связь налѣво съ Московскимъ полкомъ, а другая половина (1½ эскадрона, 2 роты) двинуться далеко, въ д. Своды, для обезпеченія праваго фланга нашего расположенія. До Видрара я дошелъ съ упомянутымъ отрядомъ, а далѣе уже мнѣ предстояло розыскать и изслѣдовать дорогу. Болгары въ Видрарѣ приняли насъ съ величайшимъ радушіемъ; относительно же дороги единодушно отвѣчали, что удобнаго пути въ требуемомъ направленіи не имѣется. Послѣ долгихъ распросовъ и недоразумѣній, мнѣ удалось, наконецъ, узнать, что на Калугерово и Лаковицы есть не-то дорога, не-то тропа, по которой смѣлые люди иной разъ рискуютъ пробираться въ своихъ одноколкахъ. Взявши проводниками двухъ мѣстныхъ жителей, охотно предложившихъ свои услуги, и въ прикрытіе взводъ лейбъ-гусаровъ, подъ начальствомъ корнета Панчулидзева, я отправился въ трудный путь. Дорога оказалась ужаснѣйшей. Ниже я опишу ее.

Въ дѣйствительности, разстояніе отъ Видрара до Калугерово было больше (верстъ 12—14), нежели показывала карта. Болгарская деревенька Калугерово незадолго была брошена жителями, такъ какъ въ окрестностяхъ ея показывались черкесы. Уже при полной темнотѣ, съ опасностью на каждомъ шагу, мы проѣхали въ д. Лаковицу и нѣсколько впередъ, далѣе. Тамъ мы ежеминутно могли наткнуться на черкесовъ, которые бы обратили вниманіе на неожиданное появленіе русскихъ въ этомъ направленіи и пожалуй, усилили бы наблюденіе; между тѣмъ мы должны были тщательно скрыть наше движеніе. Поэтому, высмотрѣвши дальнѣйшее направленіе пути по ущелью и распросивши у неутомимо сопровождавшихъ насъ пѣшкомъ двухъ болгаръ о характерѣ его, мы возвратились обратно. Въ Калугеровѣ я далъ привалъ гусарамъ. Деревня оказалась не безъ запасовъ: тутъ былъ и фуражъ, и куры, и свиньи. Слѣзши съ лошадей, гусары быстро нанимали на пни нѣсколько поросятъ и куръ и привьючили къ сѣдламъ. Разложили нѣсколько костровъ и заварили въ котелкахъ чай. Отдохнувши съ полчаса, мы двинулись дальше. Въ Видрарѣ я разстался съ-

гусарами, присоединившимися къ своему эскадрону, и отправился въ Яблоницу со своимъ казакомъ.

Ночью, среди множества перелѣсковъ и расходящихся дорогъ, я сбился съ пути и далеко выѣхалъ къ сторонѣ турокъ. Набравши на шоссе, я попалъ наконецъ къ аванпостамъ авангарда, стоявшаго въ Оссиковѣ, и только къ утру прибылъ въ Яблоницу, проведя на конѣ цѣлыя сутки. Едва я сталъ располагаться у себя, какъ былъ немедленно потребованъ къ начальнику отряда. Генераль-адъютантъ Гурко торопился узнать о результатахъ моей рекогносцировки, такъ какъ предполагалось начать наступленіе въ тотъ же день. У генерала я засталъ командующихъ 1-й и 2-й пѣхотными дивизіями, генераль-адъютанта графа Шувалова и генераль-маіора Рауха, и другихъ старшихъ начальниковъ, которымъ онъ разъяснялъ предстоявшія намъ дѣйствія. На вопросъ начальника отряда относительно обрекогносцированной мною дороги, я крайне затруднился дать опредѣленный отвѣтъ. До того я еще не имѣлъ вовсе опыта въ горной войнѣ; трудно было сдѣлать точное заключеніе: пройдетъ ли артилерія по осматрѣнной мною тропцѣ, или нѣтъ. При условіяхъ мирной практики, напримѣръ въ Красношъ Селѣ, я, конечно, объявилъ бы прямо, что дорога «непроходима», но тутъ вопросъ стоялъ иначе: или брать позицію въ лобъ, или обойти ее. Поэтому я въ подробности описалъ осматрѣнный путь, выяснивъ его неудобства, и на категорическій вопросъ: «пройдетъ ли артилерія?» рѣшился отвѣтить утвердительно, замѣтивъ при этомъ, что это будетъ стоить величайшихъ усилій и, во всякомъ случаѣ, возможно только для 4-хъ-фунтовыхъ орудій. Совѣщаніе окончилось около 11 часовъ утра, а въ первомъ часу по-полудни намъ пришлось уже выступать. Я едва имѣлъ время, чтобы перекусить что нибудь. Почти всю послѣдующую ночь мнѣ тоже не пришлось спать, такъ что съ 8 часовъ утра 8-го до 6 часовъ вечера 10-го ноября, т. е. изъ 58 часовъ, я пробылъ на лошади 54 часа и не спалъ двѣ ночи сряду. Третья же ночь, какъ увидитъ читатель, далеко не могла дать необходимаго отдыха.

Движеніе колонны генерала Рауха въ обходъ правецкихъ позицій турокъ 9-го—11-го ноября составляетъ операцію, которая отнынѣ должна доставить одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ современной войны, столь богатой личными геройскими подвигами, блестящимъ мужествомъ и необычайной стойкостью нашихъ войскъ въ перенесеніи всевозможныхъ тяжестей. Всѣ доблести русскаго солдата проявились въ этой операціи въ такой высокой степени, что самое простое, спо-

войное ея описаніе неизбѣжно должно носить въ себѣ особый отпечатокъ.

Вслѣдствіе общихъ соображеній, рѣшено было атаковать правецкія укрѣпленія турокъ двумя колоннами (подъ общимъ начальствомъ графа Шувалова): одна изъ нихъ, свиты Его Величества генераль-маіора Элиса 1-го, должна была наступать по шоссе изъ Яблоницы къ Правцу и демонстрировать съ фронта; другая же, подъ начальствомъ генераль-маіора Рауха—обойти турокъ съ лѣваго фланга и тыла и произвести главную атаку.

Составъ послѣдней колонны былъ слѣдующій: л.-гв. Семеновскій полкъ, 1-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны, команда л.-гв. Салернаго баталіона, три сотни Кубанскаго казачьяго полка, л.-гв. Донская батарея, виводъ Донской № 8-го батареи и два конно-горныхъ орудія. За начальника штаба въ колонну былъ назначенъ я. Само собою разумѣется, что никакого полеснаго обоза при отрядѣ не было, даже лазаретныя линейки остались въ тылу; офицерскія вещи, перевозочныя принадлежности и динамитъ слѣдовали на выюкахъ. Сухарей люди имѣли достаточный запасъ на себѣ, въ мѣшкахъ; патроны—въ сумкахъ и карманахъ, всего по 90 патроновъ на человѣка.

Кстати будетъ замѣтить, что, начиная съ движенія противъ Горваго Дубняка до настоящаго времени, мы и не видѣли ранцевъ. Вообще нужно думать, что вопросъ о болѣе сообразномъ съ современнымъ требованіемъ войны снаряженіи войскъ долженъ выступить на первый планъ. Дѣйствительно, солдатъ каждый день на бивакѣ и въ бою, прежде всего и настоятельнѣе всего, нуждается въ сухаряхъ и патронахъ, которыхъ, при развитіи огнестрѣльнаго боя, разстрѣливается немало, какъ бы бережно и экономно ни производился огонь. Если у солдата разорвался сапогъ, мундиръ и т. п., то онъ всегда имѣетъ возможность починить его на бивакѣ; въ случаѣ же необходимости, отъ времени до времени, въ періоды относительнаго спокойствія или перерыва дѣйствій, къ войскамъ можно подвозить требуемое количество предметовъ обмундированія и снаряженія; таскать же на солдатъ вторую пару сапоговъ, бѣлье, брюки, гимнастическія рубахи и т. п., значить истощать напрасно его силы, въ то время, когда требуется величайшее ихъ напряженіе для боевыхъ цѣлей.

Путь отъ Яблоницы до д. Видрарь былъ болѣе или менѣе удобенъ и не требовалъ разработки; далѣе, участокъ дороги между д. Видрарь и Калугерово оказывался самымъ неудобнымъ и рѣшительно непроходимымъ безъ серьезныхъ улучшеній. Дорога шла сначала по лѣвому берегу Малаго Искера, потомъ переходила на правый

и вилась узенькой лентой надъ пропастями, до облачной высоты. Перебѣгая съ одного хребта на другой, обходя глубокия ущелья и лощины, лѣпясь почти по отвѣснымъ уступамъ горъ, дорога представляла крутые, длинные, часто около версты протяженія, подъемы и спуски. Нерѣдко полотно дороги состояло изъ сплошнаго камня, поднимавшагося въ видѣ лѣстницы со ступеньками около одного фута высотой, или же загоразивалась на половину каменнымъ уступомъ, такъ что при движеніи повозка нагибалась къ сторонѣ пропасти, и одно колесо значительно поднималось выше другаго. Въ иныхъ мѣстахъ дорога имѣла видъ корыта, вымощеннаго большими плитками, которыя, какъ будто сильно всколебленныя, приняла самое разнообразное положеніе. Въ двухъ-трехъ пунктахъ часть полотна была сорвана горными потоками, и колесное движеніе окончательно прерывалось. Надо къ этому прибавить, что передъ д. Калугерово и за нею до д. Лаковицы, дорога нѣсколько разъ пересѣкала Малый Искеръ и ручей Правецъ, которыя, какъ и всѣ горныя рѣки, текутъ стремительно, имѣютъ каменистое ложе и глубокия впадины, незамѣтныя подъ водою. Не смотря на всѣ указанныя неудобства дороги, рѣшено было воспользоваться ею, такъ какъ мѣстные жители не могли указать другаго обходнаго пути, удобнаго въ стратегическомъ смыслѣ. Для приспособленія же дороги къ движенію и возможному улучшенію ея, придана была къ колоннѣ команда саперовъ; кромѣ того, всѣ люди могли быть употреблены для работъ, а операція была поручена генералъ-майору Рауху, приобрѣвшему уже достаточную опытность въ движеніяхъ подобнаго рода, участіемъ въ лѣтнемъ забалканскомъ походѣ, когда совершенъ былъ знаменитый переходъ черезъ Хайнкойскій переваль, считавшійся турками недоступнымъ.

До д. Видраръ движеніе происходило (9-го ноября, съ часу полудни) въ обыкновенномъ походномъ порядкѣ.

У деревни отрядъ былъ остановленъ на нѣсколько часовъ, чтобы дать отдыхъ людямъ, въ виду предстоящихъ трудностей, а также съ цѣлью дать время разставить въ надлежащихъ мѣстахъ рабочія команды и начать исправленіе пути. Костры воспрещено было разводять, чтобы не открыть движенія туркамъ; съ этою же цѣлью не дозволялось сначала, на первой половинѣ пути, производить взрывы динамитомъ; самое же движеніе должно было происходить ночью.

Отъ Видрара движеніе было организовано генераломъ Раухомъ слѣдующимъ образомъ: въ 8 часовъ вечера долженъ былъ выступить головной отрядъ изъ одной сотни кубанцевъ и л.-гв. 1-го стрѣльваго баталіона, назначенный для прикрытія работъ; за нимъ непосредствен-

но слѣдовали рабочіе отъ каждой части, которые и были разставляемы съ хвоста сапернымъ офицеромъ поручикомъ Романовымъ на указанныхъ мѣстахъ, гдѣ и производили работы подъ руководствомъ саперовъ. За головнымъ отрядомъ, въ 11 часовъ ночи, выступали главные силы, имѣя впереди 4-й баталіонъ Императорской фамиліи; затѣмъ, слѣдовали семеновцы, двѣ сотни кубанцевъ, наконецъ вьюки. Артилерія распределена была по всей колоннѣ, причемъ каждому баталіону приданы были по два орудія, которыя, такъ сказать, и должны были быть перевозимы усиліями всѣхъ людей баталіона. Впослѣдствіи генераль Раухъ рѣшилъ нѣсколько иначе организовать движеніе артилеріи, а именно: къ каждому орудію и зарядному ящику приданы были по 40 человекъ, изъ которыхъ 20 назначались собственно для работы при орудіяхъ, а 20 несли оружіе своихъ товарищей. Команды эти находились въ вѣдѣніи офицеровъ, которые такимъ образомъ уже и становились отвѣтчиками за движеніе ввѣренныхъ имъ орудій.

Въ глубокой тишинѣ, при слабомъ лунномъ освѣщеніи, отрядъ началъ движеніе; рабочіе уже были разставлены и успѣли разработать часть пути. Не смотря на относительно значительный составъ отряда, движеніе происходило въ глубокой тишинѣ; только грохотъ орудій изрѣдка эхомъ раздавался по ущельямъ дивныхъ предгорій Балкановъ. Брутые, почти отвѣсныя склоны высотъ покрыты на всемъ указанномъ протяженіи дубовыми порослями или рѣдкимъ лѣсомъ; въ чащахъ этихъ лѣсовъ, по обѣимъ сторонамъ Малаго Искера, разбросано нѣсколько болгарскихъ калибовъ (хуторовъ), жители которыхъ не убѣжали передъ турецкимъ нашествіемъ, благодаря только неприступности своихъ убѣжищъ. Болгары повсюду встрѣчали насъ съ величайшимъ любопытствомъ и радушіемъ и охотно служили намъ проводниками, не требуя за это никакого вознагражденія.

Скоро отрядъ растянулся на значительное разстояніе: дорога позволяла идти только рядами, а торчащіе камни, промoнны и косогоры заставили даже вытягиваться гуськомъ. Артилерія уже съ первыхъ шаговъ потребовала помощи пѣхоты; особенно приходилось осторожно двигаться на крутыхъ поворотахъ, такъ какъ уносы, загнувъ по дугѣ, вытягивались потомъ по прямой линіи, и такимъ образомъ орудіе легко могло быть сорвано въ пропасть. Потребовались величайшія усилія людей, поддерживавшихъ орудія руками и на лямкахъ, чтобы удерживать ихъ на покатнѣ дороги. Послѣ перваго перехода на правый берегъ Искера, отрядъ почти сразу началъ подыматься по нависшей надъ пропастью дорогѣ до высоты облаковъ, которыя и скрыли его въ своемъ мракѣ. Горныя орудія двигались достаточно свободно; четырехъ-фунтоваыя кон-

ныя на всѣхъ подъемахъ и поворотахъ требовали помощи пѣхоты; что же касается зарядныхъ ящиковъ, то они составляли истинное мученіе для отряда; очевидно, конструкція ихъ отвѣчаетъ только дѣйствіямъ въ культурныхъ, равнинныхъ странахъ, притомъ, если лошади достаточно сбережены и сохранили свои силы. При отсутствіи одного изъ указанныхъ условій, четырехколесный зарядный ящикъ является лишь тягостной обузой для войскъ, и всякій расчетъ скорости движенія оказывается рѣшительно невозможнымъ. Иногда переходъ въ пять-шесть верстъ исполняется въ теченіе 10—12 часовъ, такъ какъ на всѣхъ сколько нибудь значительныхъ подъемахъ приходится большую часть пути нести ящики на плечахъ пѣхоты.

При нашемъ движеніи, не смотря на то, что въ колоннѣ не было девяти-фунтовыхъ орудій, движеніе ящиковъ непрерывно задерживало отрядъ; къ тому же одинъ изъ нихъ съѣхалъ съ дороги, а другой сорвался въ пропасть на глубину саженой двадцати. При этомъ ревность людей была столь велика, что они предлагали вынести снаряды на себѣ, въ башлыкахъ, но это не было разрѣшено, въ виду опасности подобнаго способа переноски. Дружными усиліями ящикъ на слѣдующій день былъ вытасченъ и прибылъ къ своему мѣсту. При паденіи ящика, большая часть лошадей были освобождены изъ упряжи, но одну изъ нихъ дышломъ подняло на воздухъ и опрокинуло назадъ. Особенно трудно было двигаться лошадямъ по каменистымъ мѣстамъ, когда полотно дороги покрыто было твердо сидѣвшими въ почвѣ и торчавшими болѣе чѣмъ на футъ высоту камнями; напрягая усилія для движенія тяжести, лошади ступали куда-попало и валячились; нѣсколько лошадей сорвали подковы вмѣстѣ съ частью копытъ, до крови, и продолжали везти орудія и ящики; всѣ мы невольно отворачивались отъ этой тяжелой картины. Артиллеристы, конфузясь, что такъ сильно затрудняютъ движеніе отряда, подавали примѣръ въ общихъ дружныхъ усиліяхъ и бодромъ настроеніи духа. Замѣчательно, что какъ со стороны солдатъ, такъ со стороны офицеровъ, не только не слышно было ни малѣйшаго ропота, но, напротивъ, всѣ считали, такъ сказать, для себя вопросомъ чести провезти успѣшно ввѣренныя имъ орудія и гордились понесенными трудами.

Среди указанныхъ геройскихъ усилій, отрядъ, къ часу пополудни, 10-го ноября, сталъ сосредоточиваться (кромѣ одного баталіона Семеновскаго полка и четырехъ орудій, которыя нѣсколько отстали) у с. Калугерова, пройдя въ 14 часовъ 12 верстъ. Дальнѣйшій путь до с. Лаквицы, хотя былъ нѣсколько лучше (безъ большихъ подъемовъ), но потребовалъ также разработки. Относительно дороги изъ Лаквицы

приходилось уже ограничиться лишь распросными свѣдѣніями, такъ какъ рекогносцировка этой части пути не могла быть произведена за-благовременно, въ виду скрытности движенія. Первоначальное предположеніе — идти по ущелью Плевака — было оставлено, такъ какъ колонна вышла бы противъ фронта турецкихъ укрѣпленій, а потому генераль Раухъ рѣшился свернуть вправо, по дорогѣ, указанной мѣстными жителями. Для обезпеченія же пути отступленія, прикрытія отставшихъ орудій и выюковъ, у д. Лаковицы оставленъ былъ одинъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и полсотни казаковъ; за офицера генеральнаго штаба назначенъ былъ туда поручикъ Редигеръ.

Представшіе передъ нами, съ первыхъ же шаговъ, крутые подъемы на новомъ пути заставили болѣзненно сжаться сердце, и невольно рождалось сомнѣніе, что въ этотъ день уже не удастся атаковать турокъ. Стянувши въ Лаковицахъ колонну, генераль Раухъ двинулся далѣе. Былъ уже шестой часъ пополудни, когда мы прошли версты 1½ отъ Лаковицы. Лошади находились въ работѣ и безъ клочка сѣна съ 12 часовъ дня 9-го числа, т. е. тридцать часовъ; люди сдѣлали ночной переходъ отъ Яблоницы въ 27—28 верстъ безъ сна, безъ отдыха, безъ горячей пищи и неся на своихъ плечахъ артилерію, а между тѣмъ дорога перебѣгала съ одной кручи на другую, съуживаясь въ иныхъ мѣстахъ до ширины тропинки, т. е. требовала на каждомъ шагу разработки и громаднхъ усилій для перевозки артилеріи. Оставалось еще до турецкихъ позицій верстъ шесть, т. е. можно было рассчитывать прибыть къ мѣсту назначенія лишь далеко за полночь, вязаться въ ночное дѣло и, пожалуй, вести совершенно изолированный бой, такъ какъ демонстративная канонада въ сосѣднихъ отрядахъ уже прекратилась. Въ такихъ обстоятельствахъ генераль Раухъ рѣшился остановиться на ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня продолжать движеніе въ обходъ туркамъ.

Бивакъ пришлось выбрать на хребтѣ, окруженномъ громадными, мрачными, поросшими дубомъ высотами, имѣя путь отступленія на лѣвомъ флангѣ, обезпеченномъ до нѣкоторой степени семеновскимъ баталіономъ, оставленнымъ у с. Лаковицы. Такъ какъ противникъ могъ атаковать отрядъ почти по всѣмъ направленіямъ, то бивакъ охранялся круговою цѣпью аванпостовъ, съ резервами и пикетами кавалеріи, расположенными на отдаленныхъ командующихъ высотахъ. Отрядъ сталъ постепенно стягиваться посреди наступающей темноты. Костры, разумѣется, были воспрещены, и не прошло болѣе получаса, какъ весь бивакъ,

освѣщаемый слабымъ луннымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь облака и туманъ, погрузился въ мертвую тишину; кто гдѣ стоялъ, тутъ и повалился какъ снопъ; только часовые медленно прохаживались на своихъ мѣстахъ, и въ дежурныхъ частяхъ иврѣдѣ перешептывались. Заморенныя лошади тоже повалились безъ корма.

Для меня эта была одна изъ тревожнѣйшихъ ночей за всю кампанію. Послѣ перенесенныхъ трудовъ и безсонной ночи, нервное напряженіе людей стояло на очень высокой степени; при малѣйшемъ неосторожномъ крикѣ, случайномъ выстрѣлѣ и т. п., могла подняться тревога, могла распространиться паника; наконецъ, турки легко могли открыть наше присутствіе, и тогда весь планъ потерпѣлъ бы существенный ущербъ. Одно нѣсколько лишь успокаивало: впереди, на пикетахъ, стояли зоркіе, несравненные кубанскіе казаки, которыми командовалъ храбрый подполковникъ Клуге-фонъ-Клугенау; это обезпечивало, по крайней мѣрѣ, отъ внезапнаго нападенія противника. Страшная усталость осилила мои думы, и я, обойдя весь бивакъ, чтобы попросить командировъ частей предупредить своихъ людей спать спокойно, не тревожиться попустому, ибо они охраняются надежно, зарылся въ сѣно, и только что сталъ дремать, какъ былъ разбуженъ генераломъ Раухомъ. Оказалось, что пріѣхалъ ординарецъ отъ графа Шувалова съ слѣдующимъ приказаніемъ:

«Наше расположеніе слѣдующее: на лѣвомъ флангѣ, спустившись въ долину Орханійскую. на перекресткѣ дорогъ Этрополь-Орханіе—три баталіона Московскаго полка (Гриппенбергъ). Надъ перекресткомъ этихъ дорогъ господствуютъ шесть нашихъ орудій (4 ф.) (на нашемъ лѣвомъ флангѣ).

«Правый флангъ на высотахъ правѣе шоссе (западнѣе, фронтомъ къ турецкимъ позиціямъ) два стрѣлковыхъ баталіона и баталіонъ москвичевъ.

«Завтра 11-го ноября Гриппенбергъ будетъ стараться дать вамъ руку. Турокъ: три орудія и около четырехъ таборовъ. Имѣйте въ виду, что высоты надъ Правецомъ тоже укрѣплены. Прошу увѣдомить меня: 1) о вашихъ предположеніяхъ на 11-е ноября; 2) въ какомъ разстояніи вы находитесь отъ перекрестка дорогъ Этрополь и шоссе Орханіе; 3) въ которомъ часу можете начать движеніе; 4) въ какомъ именно направленіи предполагаете наступать.

«Генералъ Гурко желаетъ начать операціи 11-го ноября по возможности ранѣе. Генералу Элису, стоящему на шоссе, фронтомъ къ турецкому расположенію, я предпишу наступать тогда, когда вы и Гриппенбергъ завяжете дѣло.

«Я принялъ начальство надъ вашей колонной и колонной генерала Эллиса: буду находиться вначалѣ на горѣ X (1), а потомъ въ расположеніи полковника Гриппенберга. и начну дѣло, но еще не атаку, около 8 утра».

Подписаль: *Графъ Шуваловъ.*

Советъ относительно подачи руки лейбъ-гвардіи Московскому полку слѣдовало, конечно, понимать въ смыслѣ общаго указанія характера нашихъ дѣйствій; фактическое осуществленіе такой связи возможно было только по окончательномъ развитіи турокъ и изгнаніи ихъ къ сторонѣ Орханіэ.

На другой уже день генералъ Раухъ получилъ отъ начальника штаба, генералъ-маіора Нагловскаго, записку, которая вполне согласовалась съ принятыми рѣшеніями: идти по избранной дорогѣ противъ фланга и частью лишь тыла турокъ, и, сбивши ихъ съ позиціи, войти лѣвымъ флангомъ въ связь съ графомъ Шуваловымъ, а затѣмъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Въ запискѣ этой говорится:

«Генералу Рауху. Начальникъ отряда желаетъ, чтобы вѣрренная вашему превосходительству колонна атаковала лѣвый флангъ турецкой позиціи, съ легкимъ обходомъ тыла. На лѣвомъ флангѣ турецкой позиціи есть высота, которая командуетъ всею турецкою позиціею и ее анфилируетъ. Высота эта турками не занята. Если колонна вашего превосходительства займетъ эту гору и обнаружитъ обходъ тыла, то есть полная надежда прогнать турокъ. Обходить позицію и выходить въ тылу ея на шоссе рискованно, можно попасться между двухъ огней. Въ колоннѣ генерала Эллиса все благополучно; онъ свезъ на позицію 12 орудій и окопался; въ другихъ колонахъ тоже все благополучно; потеря сегодня три раненыхъ».

Подписаль генералъ-маіоръ *Нагловскій.*

Утромъ, 11-го ноября, съ началомъ разсвѣта, отрядъ поднялся на ноги и двинулся далѣе; въ авангардѣ слѣдовала сотня кубанцевъ; затѣмъ оба стрѣлковые баталіона, прикрывавшіе саперовъ, и рабочія команды отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Къ бывшимъ при главныхъ силахъ четыремъ орудіямъ еще съ вечера притянуты были двигавшіяся въ хвостъ колонны два горныхъ орудія, а также сдѣлано было распоряженіе о прибытіи остальныхъ двухъ орудій отъ с. Лаковицы. Такъ какъ въ теченіе 11-го ноября, къ сторонѣ Орханіэ, не было слышно канонады (2), которая могла бы привлечь вниманіе непріятеля,

(1) Къ приложенію приложено было кроки, на которомъ и обозначена была гора X.

(2) Наканунѣ храбрые гвардейскіе драгуны, какъ извѣстно, потеряли катасгроу у Новачена, наткнувшись на засаду. А. П.

то для обезпеченія движенія съ праваго фланга выдвинута была на развѣтвленіи дороги къ Орханіѣ 5-я рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и полусотня кубанцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ мы вошли уже въ прочную связь съ отрядомъ свиты Его Величества генераль-маіора Эллиса 1-го и присоединили всѣ оставшіяся позади орудія, то для прикрытія оставшихся у с. Лавовицы двухъ зарядныхъ ящиковъ, запасныхъ лафетовъ и выюковъ, осталась только одна рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; прочія же роты успѣли подойти къ отряду въ 11-мъ часу утра.

Между тѣмъ, сотня кубанцевъ, слѣдуя въ головѣ, была встрѣчена въ 11-мъ часу утра ружейными выстрѣлами.

Въ это время я выѣхалъ впередъ, съ цѣлю узнать причину раздавшихся выстрѣловъ. По пути я встрѣтилъ казака съ донесеніемъ отъ командира сотни, который писалъ: «Не доходя версты четыре до шоссеиной дороги вправо, въ узкомъ ущельѣ, замѣчены турецкіе ложементы, посты и пѣхотная цѣпь, которые открыли по насъ ружейный огонь». Тогда я предложилъ командиру лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣльковаго Его Величества баталіона, флигель-адъютанту полковнику Васмунду, немедленно выдвинуть вправо на высоту двѣ роты и отѣснить противника. Роты Его Величества и 2-я поднялись и стали карабкаться чуть не на отвѣсныя горы. Генераль Раухъ утвердилъ мои распоряженія. Стрѣлки наши скрылись въ чащѣ лѣсовъ и подымались на высоты, то хватаясь за сучья, то опираясь на ружья. Но вотъ на кручѣ, изнемогая въ усиліяхъ подняться на утесъ, показался одинъ солдатъ, за нимъ другой, и далѣе, въ видѣ какого-то клина, расширявагося книзу, ползла вся масса людей, казавшаяся издали кучей муравьевъ. Поднявшись наверхъ, полковникъ Васмундъ пріостановилъ на нѣкоторое время движеніе, чтобы дать отдыхъ людямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высмотрѣть мѣстность и расположеніе непріятеля.

Обстановка представлялась въ слѣдующемъ видѣ: вправо и влево отъ пути слѣдованія тянулся рядъ высокихъ горъ, разсѣченныхъ глубокими ущельями, съ крутыми и обрывистыми скатами, покрытыми густымъ дубовымъ лѣсомъ. Высоты влево отъ дороги были заняты непріателемъ слабо; вправо же турки занимали три горы. На склонѣ первой была разсыпана цѣпь стрѣлковъ; на второй замѣтно было движеніе отдѣльныхъ колоннъ; а на третьей горѣ, которая занята была всего сильнѣе, непріятель заѣлъ въ ложементахъ; съ этой высоты онъ продольно обстрѣливалъ лощину, такъ что разработку дороги приходилось производить подъ ружейнымъ огнемъ. При этомъ въ лейбъ-

гвардіи 4 мѣ стрѣлковомъ Императорской фамиліи баталіонѣ былъ сбитъ пулею вкрестъ съ орла знамени и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Бывшій съ нами румынскій офицеръ, флигель-адъютантъ принца Карла, находилъ, что мы стоимъ «подъ свинцовымъ дождемъ», хотя послѣ Горняго-Дубняка этотъ «дождь» былъ игрушкой. Проводникъ болгаринъ, попавшій подъ огонь, стоялъ спокойно и радостно ожидалъ конца. Бывшій при отрядѣ священникъ, кажется 1-го Стрѣлковаго баталіона, пошелъ со своею частью въ стрѣлковую цѣпь.

Между тѣмъ, рота Его Величества лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго баталіона, послѣ кратковременнаго отдыха, была разсыпана въ цѣпь, причѣмъ ей приказано было стараться охватить лѣвый флангъ непріятеля. 2-я рота слѣдовала въ резервѣ и, во избѣженіе потерь, также была разсыпана. Стрѣлки, руководимые полковникомъ Васмундомъ, отлично примѣнялись къ мѣстности. Смотри снизу вверхъ, можно было ясно замѣтить, какъ при наступленіи покажется впереди за хребтикомъ одинъ-два человѣка, долго высматриваютъ, переходятъ съ одного мѣста на другое, затѣмъ манятъ къ себѣ товарищей, масса прибываетъ, залегаетъ за закрытіемъ, затѣмъ сильный, но непродолжительный ружейный огонь и энергическое «ура»!—сопровождающееся всегда успѣхомъ.

Турки отступили на вторую гору, понеся при этомъ значительный уронъ отъ нашего огня, такъ какъ имъ пришлось подниматься по совершенно обнаженному скату. Получивъ отъ полковника Васмунда донесеніе о ходѣ дѣла и о предстоящей главной атакѣ, генераль Раухъ приказалъ 3-й и 4-й ротамъ баталіона Его Величества присоединиться къ передовымъ, а баталіону Императорской фамиліи, прикрывавшему работы, двинуться на поддержку баталіона Его Величества. Для прикрытія работъ была выслана 16-я рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, разсыпанная по скату горы лѣвѣе дороги и смѣнившая 3-ю роту лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона.

По прибытіи подкрѣпленій, войска расположились слѣдующимъ образомъ: въ первой линіи, лѣвѣе роты Его Величества лейбъ-гвардіи 1-го Стрѣлковаго баталіона, стояла 2-я рота, потомъ 3-я, а 4-я рота расположилась въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ. Правѣ баталіона Его Величества стала 4-я рота лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона, получившая приказаніе обогнуть лѣвый флангъ непріятеля. Въ резервѣ за ней слѣдовала 2-я рота, а прочія роты баталіона Императорской фамиліи должны были, совмѣстно съ лейбъ-гвардіи

1-мъ Стрѣлковымъ Его Величества баталіономъ, сбить непріятеля съ фронта. Въ такомъ порядкѣ, около 2-хъ часовъ дня, стрѣлки начали наступленіе.

Движеніе подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, по крутой и высокой горѣ, представляло значительныя затрудненія; тѣмъ не менѣе, оно продолжалось безостановочно. Стрѣлки, руководимые полковниками Васмундомъ и флигель-адъютантомъ графомъ Клейнмихелемъ, молодецки наступали, пользуясь каждымъ закрытіемъ, чтобы выпустить мѣткую пулю. Такъ какъ у непріятеля не было на второй горѣ ложементовъ, то онъ не выдержалъ рѣшительнаго натиска стрѣлковъ и, хотя и въ полномъ порядкѣ, началъ отходить на третью гору, гдѣ были сосредоточены его главныя силы. Постоянно останавливаясь и засѣдая въ глубокихъ лощинахъ, непріятель тщетно старался задержать нашихъ стрѣлковъ. Преслѣдуемый по пятамъ и обходимый съ фланговъ, онъ, наконецъ, взобрался на третью гору. Здѣсь турки, не останавливаясь на гребнѣ, спустились шаговъ на 50—70 по противоположному скату и, засѣвъ въ траншеяхъ, ожидали нашего появленія на гребнѣ. Стрѣлки ползкомъ взобрались на гребень высоты. Лишь только появились первыя ихъ группы, турки открыли бѣшеную, неумолкаемую, но безвредную стрѣлбу. Выждавъ прибытія подкрѣпленій, полковникъ Васмундъ и графъ Клейнмихель лично повели ввѣренныя имъ баталіоны; загремѣло дружное «ура!» и стрѣлки бросились въ штыки. Турки, обратившись въ беспорядочное бѣгство, покатались съ кручъ, ограничивавшихъ ихъ позицію съ тыла. Сброшенные съ горъ и преслѣдуемые по пятамъ, они, уже не отстрѣливаясь, бѣжали по направленію къ Орханію. Стрѣлки продолжали наступленіе по скатамъ высотъ и постепенно спустились внизъ къ шоссе, въ Орханійскую долину.

Во время этихъ дѣйствій, семеновцы на лѣвомъ флангѣ позиціи дружно содѣйствовали стрѣлкамъ. Разсыпанная по лѣвому скату ущелья 16-я рота, поддерживавшая связь съ лейбъ-гвардіи 1-мъ Стрѣлковымъ Его Величества баталіономъ, находилась все время подъ сильнымъ огнемъ изъ турецкихъ ложементовъ крайняго праваго фланга. При этомъ съ нашей стороны приказано было стрѣлять лишь лучшимъ стрѣлкамъ, такъ какъ до турецкихъ ложементовъ было болѣе 950 шаговъ. При дальнѣйшемъ наступленіи одна полурота двинулась съ фронта, а другая—въ обходъ праваго фланга непріятеля. Для поддержанія этой роты двинута была 15-я рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. По прибытіи ея, обѣ роты продолжали дальнѣйшее движеніе, прошли оставленный турками первый лагерь и, подойдя ко второму еще занятому непріятелемъ, завязали съ нимъ перестрѣлку и быстро

прогнали его мѣткимъ огнемъ. При послѣдующихъ дѣйствіяхъ, обѣ роты приостановились на краю обрыва, съ цѣлью преслѣдованія бѣжавшихъ огнемъ, а также, чтобы выбить непріятеля, засѣвшего впереди въ трехъ ложементахъ, что и удалось.

Генералъ Раухъ, получивъ въ это время извѣстіе, что непріятель занимаетъ еще свои лагеря внизу на шоссе, противъ лѣваго нашего фланга, приказалъ 13-й и 14-й ротамъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившимся въ головѣ колонны, вытѣснить турокъ изъ лагерей и тѣмъ самымъ дать возможность войскамъ, дѣйствовавшимъ съ фронта, начать наступленіе. Обѣ роты двинулись въ указанномъ направленіи: 13-я—вправо, 14-я—влѣво, и послѣдовательно заняли три лагеря, оставленные турками. Четвертый укрѣпленный лагерь былъ еще занятъ непріятелемъ, который пытался сопротивляться, но, увидя цѣпь 13-й роты съ фронта, а 14-ю у себя въ тылу, очистилъ лагерь послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Съ наступленіемъ темноты, движеніе на этомъ пунктѣ приостановилось.

Между тѣмъ, часу въ 6-мъ пополудни, главныя силы съ артилеріею подошли, наконецъ, къ позиціи. Немедленно было выдвинуто два горныхъ орудія для обстрѣливанія отступавшихъ турокъ, а также укрѣпленія, изъ котораго они дѣйствовали артилерійскимъ огнемъ изъ двухъ орудій по нашимъ стрѣлкамъ, спустившимся внизъ. Но дистанція оказалась значительно больше дальности выстрѣла горнаго орудія. Поэтому вызвана была лейбъ-гвардіи Донская № 6-го батарея, которой и удалось обстрѣлять хвостъ отступавшихъ непріятельскихъ колоннъ и обоза. Для прикрытія артилеріи и усиленія цѣпи стрѣлковыхъ баталіоновъ, высланъ былъ на правый флангъ позиціи 1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Рота Его Величества и 2-я рота спустились внизъ для поддержки стрѣлковъ, гдѣ и попали подъ артилерійскій огонь вышеупомянутыхъ двухъ непріятельскихъ орудій; двѣ остальные роты 1-го баталіона остались для прикрытія артилеріи. Прочія части отряда составили общій резервъ. Дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля оказалось рѣшительно невозможнымъ за наступленіемъ глубокой темноты, почему войска отряда расположились въ боевомъ порядкѣ на занятыхъ высотахъ. Къ неопisanному чувству побѣды надъ врагомъ и природою присоединилось еще обаятельное впечатлѣніе картины, развернувшейся передъ нами съ занятыхъ высотъ. Внизу подъ ногами, вправо и влѣво, разстилалось сплошное море облаковъ; только кругообразныя высоты, подобно островкамъ, чернѣлись одиноко или разбросанными группами; биваки войскъ, расположенныхъ подъ облаками, ясно обозначались заревомъ, блестящимъ на поверхности по-

слѣднихъ; скоро и мы зажгли костры и, не смотря на неизмѣрную усталость, отдались наслажденіямъ соверщенія окружавшей насъ картины.

Къ вечеру были притянуты на бивакъ части, оставленныя для охраненія тыла и фланга. Уже въ 8-мъ часу вечера на лѣвомъ флангѣ показалась на горѣ небольшая сомкнутая непріятельская часть. Командиръ 14-й роты, поручикъ Домерщиковъ, быстро двинувъ цѣпь впередъ, окружилъ непріятеля и предложилъ ему сдаться на капитуляцію. Послѣ нѣкотораго колебанія, турецкій офицеръ отдалъ свою саблю, и весь отрядъ, въ числѣ одного офицера и 40 нижнихъ чиновъ, положилъ оружіе.

Потери наши въ дѣлѣ, благодаря вполнѣ разумному веденію боя стрѣлками, были ничтожны, всего 30 человекъ. Что же касается турокъ, то на позиціи было похоронено нами 137 человекъ; сюда надо еще прибавить раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ англичанинъ, въ красномъ мундирѣ, весь пронизанный нашими штыками. Кромѣ того, намъ достался турецкій лагерь, два значка, много оружія, патроновъ, галетъ и проч. Еще болѣе важны были стратегическіе результаты обхода и боя; непріятель долженъ былъ очистить сильную правецкую позицію и въ безпорядкѣ бѣжать.

На другой день, 12-го ноября, часовъ въ 10 утра, генералъ Раухъ получилъ отъ имени генералъ-адъютанта графа Шувалова за подписью его начальника штаба, полковника Паренсова, слѣдующее приказаніе:

«12 ноября, 9 часовъ утра. Генералу Рауху. Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ приказалъ:

«1) Укрѣпленную турецкую позицію, взятую вами, занять гвардейской Стрѣлковой бригадой, лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ и двумя 9-ти ф. батареями. Позицію укрѣпить.

«Съ этою цѣлью къ вамъ отправляется Свиты Его Величества генералъ-майоръ Элисъ, командиръ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона полковникъ Скалонъ и генеральнаго штаба штабъ-капитанъ Энгельгардтъ.

«2) Весь бивакъ переходить въ Ханъ-Правецъ, куда спустить и Семеновскій полкъ по смѣнѣ его Стрѣлковой бригадой и Московскимъ полкомъ.

«3) Къ Этрополю отправляется рекогносцировка подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка полковника барона Мейендорфа, въ слѣдъ за симъ прибывающему въ Ханъ-Правецъ.

«Въ этой рекогносцировкѣ долженъ принять участіе подполковникъ Пузыревскій и баталіонные адъютанты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, которымъ спуститься немедленно къ Ханъ-Правецъ и поступить въ распоряженіе барона Мейендорфа».

Согласно этому приказанію, я собралъ адъютантовъ и отправился въ Ханъ-Правецъ⁽¹⁾. На шоссе я нашелъ графа Шувалова, со штабомъ. Графъ объявилъ мнѣ, что рекогносцировочная партія уже давно отправилась на работу, и что мнѣ не удастся ее нагнать, а потому и разрѣшилъ мнѣ возвратиться обратно на позицію: Карабкальс наверхъ, я проѣзжалъ мимо нѣкоторыхъ изъ занятыхъ нами турецкихъ укрѣпленій. При взглядѣ на нихъ, нетрудно было оцѣнить важность успѣха, достигнутаго обходнымъ движеніемъ: сильные ложементы, блиндированныя батареи, неизбежныя у турокъ редуты дорого бы стоили намъ при фронтальной атакѣ.

Въ тотъ же день мы получили слѣдующую диспозицію на 13-е ноября:

«Завтра, 13-го ноября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда произвести наступленіе на Этрополь. Для сего:

«1) Лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку, Великолуцкому пѣхотному полку, двумъ баталіонамъ Псковскаго полка, 9-ти фунтовой батареей лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, двумъ 4-хъ фунтовыхъ батареямъ 3-й артилерійской бригады, Екатеринбургскому Драгунскому полку, тремъ сотнямъ Казачьей бригады и двумъ коннымъ батареямъ 16-й конной и 19-й казачьей составить лѣвую колонну, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевилля, и атаковать Этрополь съ восточной стороны (9 баталіоновъ пѣхоты, 24 пѣшихъ орудій, 7 эскадроновъ и сотень и 12 конныхъ орудій).

«2) Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, одному баталіону Псковскаго полка, 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, тремъ сотнямъ Кавказской бригады и одному взводу конно-горной батареи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Его Высочества Принца Ольденбургскаго, составить среднюю колонну и атаковать Этрополь съ сѣверной стороны (7 баталіоновъ пѣхоты, 8 пѣшихъ орудій, 3 сотни и 2 конныхъ орудія).

«3) Лейбъ-гвардіи Семеновскому полку, лейбъ-гвардіи Финляндскому и двумъ батареямъ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, двумъ взводамъ конно-горной батареи, Донской казачьей № 8-го батареей и одной сотнѣ Кавказской казачьей бригады, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, составить правую колонну и, слѣдуя по дорогѣ изъ Правецъ въ Этрополь—атаковать турецкую позицію съ сѣверо-западной, а если окажется возможнымъ, то и съ западной стороны (8 баталіоновъ пѣхоты, 16 пѣшихъ орудій, одна сотня и 10 конныхъ орудій).

(1) «Ханъ» значитъ постоянный дворъ. Ханъ-Правецъ расположенъ на самомъ шоссе, а деревня Правецъ—въ верстѣ отъ него.

(Всего для атаки назначается 24 баталіона, 48 пѣшихъ орудій, 11 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія).

«Общее командованіе правую и среднюю колоннами возлагается на генераль-адъютанта графа Шувалова.

«Правая колонна должна выступить съ такимъ расчетомъ времени чтобы около 10-ти часовъ утра можно было вступить въ дѣло.

«4) Предписывается всѣмъ начальникамъ частей употребить всевозможныя усилія для того, чтобы установить артилерію на позиціяхъ.

«5) Для обезпеченія атаки со стороны могущаго послѣдовать наступленія турокъ отъ Орханіе образуется особая колонна изъ гвардейской Стрѣлковой бригады, лейбъ-гвардіи Московскаго полка, двухъ батареѣй лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, трехъ эскадроновъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка, пяти сотенъ Кавказской бригады и двухъ взводовъ 6-й Донской гвардейской казачьей батареи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генераль-маіора Элліса. Колоннѣ этой занять укрѣпленную позицію впереди Правецъ фронтомъ къ Орханіе. Отъ этой колонны выслать завтра, 13-го ноября, въ 8 часовъ утра, всѣ кавалерію съ конной артилеріею для производства усиленной рекогносцировки къ сторонѣ Орханіе (8 баталіоновъ пѣхоты, 16 пѣшихъ орудій, 8 эскадроновъ и сотенъ и 4 конныхъ орудія).

«Въ общемъ резервѣ на бывшей позиціи лейбъ-гвардіи Московскаго полка, позади д. Усиковицы, остаются лейбъ-гвардіи Егерскому полку лейбъ-гвардіи Павловскому полку, пяти батареямъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, одной батареѣ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, одному эскадрону лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и 5-й батареѣ гвардейской конной артилеріи, подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генераль-маіора Эттера (8 баталіоновъ пѣхоты, 54 орудія и 1 эскадронъ.)

«6) Казачьей бригадѣ остаются въ Голѣмъ Болгарскомъ Изворѣ.

«7) Въ началѣ дѣла я буду находиться на позиціи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, куда и присылать всѣ донесенія.

«8) Для болѣе быстрой передачи приказаній, установить конную почту отъ укрѣпленной позиціи на орханійской дорогѣ до позиціи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (по дорогѣ отъ Правца въ Этрополь), отъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка.

«9) Перевязочные пункты устроить въ Ханъ-Брусенѣ, въ Оссиновѣ и въ д. Правецъ. Распредѣленіе медицинскихъ средствъ возлагается вполнѣ на усмотрѣніе корпуснаго доктора, статскаго совѣтника Энггофа.»

Подписалъ: Начальникъ отряда генераль-адъютантъ Гурко.

Я былъ назначенъ въ колонну генераль-маіора Рауха. Вмѣстѣ съ адъютантомъ штаба 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, поручикомъ Алексѣевымъ, мы спустились въ д. Правецъ и розыскали себѣ избу, еще не совсѣмъ разнесенную, надѣясь отдохнуть послѣ перенесенныхъ трудовъ. Люди наши вывели комнату, затопили ее, и я впервые,

послѣ четырехъ тяжкихъ дней, снялъ съ себя сапоги. Мы дѣтски радовались нашему благополучію, и едва около 12 часовъ ночи стали засыпать. «Пожалуйте къ генералу» — раздался вдругъ голосъ. Можно вообразить, на сколько пріятно подѣйствовалъ на насъ этотъ призывъ. Но дѣлать нечего, пришлось проститься съ постелью. Генералъ Раухъ показалъ мнѣ вышесприведенную диспозицію, которая была получена только вечеромъ 12-го ноября. Нужно было немедленно сдѣлать соотвѣтствующія по отряду распоряженія, и я провозился почти до 3-хъ часовъ утра, а въ 4 мы должны были выступить — еще одна ночь прошла безъ сна.

Въ темнотѣ, 13-го утромъ, въ 4 часа, мы собрались у костра, подлѣ ставки графа Шувалова, и приготовлялись къ выступленію. Въ это время вдругъ получается извѣстіе, что колонна генерала Дандевеля, послѣ трехдневной борьбы съ противникомъ и благодаря чрезвычайно искуснымъ маневрамъ, овладѣла Этрополемъ. Такимъ образомъ, вмѣсто боя намъ предстояло мирное вступленіе въ этотъ городокъ.

Отъ Праведа до Этрополя всего верстъ 10—12. Не смотря на незначительность разстоянія, мы двигались почти цѣлый день, такъ какъ артилерія застрывала раза три и задерживала общее движеніе.

Съ одного изъ переваловъ намъ открылись сразу громадныя массивы Балкановъ, покрытые уже снѣгомъ. Картина была сурово-величественная и невольно наводила на мысль: что-то намъ придется испытать среди этихъ тущобъ дикой, грозной природы? Внизу передъ нами, въ видѣ небольшой котловины, разстилалась горизонтальная Этропольская равнина, въ концѣ которой, у подножья горъ, по обѣ стороны Малаго Искера, раскинулся маленькій городокъ Этрополь, не болѣе какъ грязное мѣстечко. Улицы узенькія, вымощенныя булыжникомъ, съ огромными выбоинами, лужами и т. п. Домики небольшіе, въ то время разоренные ушедшими турками. Посреди города, частью заливая улицу, протекаетъ Искеръ.

Само собою разумѣется, что достать тамъ чего нибудь, кромѣ хлѣба, масла, яицъ и фуража, рѣшительно было невозможно. Въ городѣ имѣется церковь Архангела Михаила, гдѣ и была отслужена обѣдня въ присутствіи всего начальства. Одинъ изъ гражданъ обратился къ генералу Гурко съ привѣтственной рѣчью, принятой присутствующими съ величайшимъ воодушевленіемъ.

Всѣ мы расположились въ порядочной комнатѣ, причемъ добродушныя хозяйки съ восторгомъ насъ принимали, стараясь услужить всѣми средствами. Братья и мужья ихъ частью перерѣзаны, частью попали

въ плевненское сидѣніе, куда турки погнали ихъ съ подводами. Вспоминая родныхъ, болгарки обливались слезами. Наканувъ, турецкій паша предлагалъ имъ бѣжать вмѣстѣ съ войсками, но онѣ заявили, что желаютъ умереть тамъ, гдѣ родились; тогда турецкій генераль нѣкоторыхъ казнилъ, а другихъ взялъ заложниками и ушелъ въ горы. Вообще, горное населеніе, какъ по своему типу, такъ и по смѣлости, значительно отличается отъ придунайскихъ болгаръ; видно, что въ горахъ не такъ легко держать въ желѣзныхъ рувицахъ населеніе, какъ въ доступныхъ частяхъ страны. Характеръ поселеній въ горахъ тоже нѣсколько иной: все чаще и чаще попадаются отдѣльные колибы (хутора); зажиточности особой я тамъ не замѣтилъ; природа хотя роскошна, но почва, удобная для обработки, попадалась довольно рѣдко.

15-го ноября, генераль-адъютантъ Гурко потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ, взявши прикрытіе отъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, отправиться на рекогносцировку черезъ Стригловскій перевалъ къ д. Буново, по ту сторону Великихъ Балкановъ.

Вмѣстѣ со мною отправленъ былъ и князь Церетелевъ. Мы должны были проѣхать черезъ перевалъ, по занятіи его направленными туда нашими войсками; но они въ это время не прошли еще и половины пути. Такимъ образомъ, въ этотъ день рекогносцировка не могла состояться (Обѣхать турецкую позицію не было никакой возможности по окончательной непроходимости мѣстности). На другой день я снова поднялся, обогналъ Псковскій пѣхотный полкъ и на одной изъ горныхъ площадокъ слѣзъ съ лошади, чтобы высмотрѣть въ биноэль турецкія укрѣпленія, находившіяся на самомъ перевалѣ.

Черезъ минуту—другую блеснулъ огонекъ, хлынулъ клубъ дыма и засвистѣла граната, потомъ другая; это были первые выстрѣлы, раздавшіеся съ турецкаго укрѣпленія. Псковскій полкъ еще не поднялся; я возвратился назадъ, чтобы доложить генералу Гурко объ открытіи, сдѣланномъ мною относительно вооруженія турецкихъ укрѣпленій артилеріей.

На возвратномъ пути, я услышалъ влѣво жесточайшую ружейную перестрѣлку: это генераль Дандевилъ былъ атакованъ въ горахъ турками. Такимъ образомъ, непріятель не только не думалъ очищать Балкановъ, какъ мы сначала предполагали, но, повидимому, собирался твердо ихъ отстаивать..... и началось тогда тяжкое «балканское сидѣніе».

А. Пузыревскій.

(Продолженіе будетъ.)